

ности и службе народу. Всё это оставило глубокие следы на всю жизнь на моём внутреннем мире, отложилось в душе.

Мой отъезд из Костромы без спасательной лодки и без сопровождения околоточным надзирателем был причиной большого беспокойства для моей семьи. Не доверяя тому, что я мог перейти Волгу при начавшейся подвижке льда, полиция искала меня повсюду в городе, установила дежурство у моей квартиры.

В Москве тем временем я пытался найти литературный заработок. Но, прежде всего, посоветовавшись с юристами, я написал жалобу на Веретенникова и направил её в Министерство внутренних дел. В ней я с полной объективностью изложил признаки совершенной неспособности Веретенникова сколько-нибудь осмысленно держаться на губернаторском посту. В жалобе отражены многие характерные черты произвола власти в провинции в столыпинский период. Текст жалобы был напечатан в тогдашних петербургских газетах. Но напрасно я ждал хотя бы какой-нибудь реакции на мою просьбу о защите от произвола. Только год спустя, когда я жил уже в Петербурге, мне было вручено полицией под расписку постановление министра по моей жалобе на Веретенникова: «Оставить без последствий». Однако, хотя и несколько позже, чтобы не ронять губернаторский престиж, Веретенников был всё-таки снят с должности губернатора.

В Москве я оставался недолго. Для временного заработка я воспользовался предложением «Русских ведомостей»¹ и «Русского слова»² написать в виде корреспонденций несколько очерков о санитарном устройстве крупных приволжских и некоторых других городов в связи с опасностью возобновления летом 1909 г. холеры.

Холера приняла уже сильное развитие ещё с осени 1908 г. Я побывал в течение апреля в Самаре, Казани, Саратове, познакомился всюду с состоянием водоснабжения, виделся с руководителями санитарных организаций. Из близких к Москве городов я побывал в Рязани и Калуге. Результаты этих поездок также вошли в работу «Холера и оздоровление городов». Сотрудничал в журналах «Начало», «Новое слово», «Жизнь», «Мир божий». В мае 1909 г. я переехал из Москвы в Петербург.

Снова Петербург (1909–1914)

Период жизни в Петербурге в 1909–1914 гг. отличался от моей жизни в Вологде и в Костроме тем, что основное содержание моей деятельности не было связано с одним стержневым занятием, с работой земским санитарным врачом, с постоянным ощущением себя частью земского строительства,

¹ Одна из крупнейших русских газет (М., 1863–1918). Программа: политические и экономические реформы. С 1905 передана кадетам. После Октябрьской революции закрыта.

² Ежедневная либерально-буржуазная газета. 1895–1918. Издатель И. Д. Сытин. Закрыта советской властью за антибольшевистскую пропаганду.

земским человеком, одним из сотоварищей по борьбе за развитие земского дела. Вырванный административным произволом из работы в Костромском губернском земстве, я нашёл в Петербурге сначала занятия в городской санитарной комиссии. Здесь не было атмосферы содружества и товарищества в общем труде, а на всём лежал отпечаток казённо-бюрократического чиновничества, и я не чувствовал дружеской поддержки в попытках создать печатное издание для объединения санитарной городской организации или в стремлении положить начало коллегиального органа наподобие земских санитарных советов. Но среди специалистов здесь я ближе узнал целый ряд лиц, серьёзно преданных своей специальности.

В Петербурге имелись виды на некоторые литературные работы, в частности, Дм. Дм. Протопопов¹ предлагал постоянное сотрудничество в журнале «Городское дело». Кроме того, ко мне, как к автору брошюры «Холера и оздоровление русских городов», обратился председатель С.-Петербургской санитарной комиссии В. О. Губерт с предложением взять на себя налаживание мероприятий по борьбе с холерой в столице. В предварительных переговорах со мною по этому вопросу Губерт согласился с моими соображениями о придании общественного, а не бюрократического характера проводимым мерам и об издании печатного органа, который бы освещал текущие задачи и итоги деятельности всей санитарной организации за каждый период.

Такое печатное издание должно было способствовать объединению всех звеньев городской санитарно-противоэпидемической организации и облегчать общественный контроль за её деятельностью. Но на деле вся обстановка в городской санитарной комиссии была совершенно не такая, как в земских санитарных организациях. Атмосфера канцелярско-бюрократического чиновничества и субординации чрезвычайно затрудняла успех дела. Сама колоритная фигура самовластного председателя комиссии Губерта менее всего внушала мысль об общественной, коллективно работающей организации. Самовосхваление, реклама, грубое попрание достоинства подчинённых ему санитарных врачей — таковы были характерные черты Губерта.

В отношении ко мне он старался держаться либерально, хотел казаться простым, предупредительным, оказывал содействие всякому общественному начинанию. Он, по-видимому, очень дорожил (и даже видел какую-то выгоду для себя в том), чтобы я работал в его кабинете, где для меня был поставлен отдельный письменный стол. Мне казалось, что в нём живёт незаглушённая потребность, хотя бы иногда быть искренним, каяться в своей грубости, даже жестокости в обращении с людьми. Ему чрезвычайно импонировала моя прямота и резкость в отзывах о его тщеславии, генеральской заносчивости. Наблюдая его, я в то же время ценил его настойчивость, темперамент в работе. Если ему нужно было напечатать статью, составить

¹ Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1864–1918) — присяжный поверенный, литератор, издатель журналов «Финляндия», «Волостное земство», «Городское дело», «Земское дело»; член ЦК и секретарь Петербургского городского комитета партии кадетов.

отчёт, он заставлял работать других, но и сам не прерывал работу, всю ночь напролёт перечитывал корректуры. Какая-то неукротимая сила и жажда к продвижению, к карьере, тщеславие — были в нём основной пружиной. Во всём, что бы ни делалось, ни писалось, приоритет должен был быть обеспечен за ним. Но я видел и ценил в нём способность проявлять стремление помочь попавшему в беду человеку, отдаться чистому и бескорыстному делу помощи больным детям, удручённым горем матерям. Организовав в Обществе охраны народного здоровья отдел летних колоний для туберкулёзных детей, он с искренним благожелательством и вниманием часами выслушивал матерей при отборе детей в эти колонии, исследовал детей, лично оказывал всевозможную помощь. Иногда, впрочем, мне казалось, что в его отношении ко мне играет роль всё то же его стремление к саморекламе. Вот, мол, какие люди работают с ним, с Владиславом Осиповичем Губертом — не только чиновные генералы, но и члены 1-й Государственной думы, гонимые правительством за всеми признаваемую неподкупность, общественную чистоту и безупречность.

Помню случай, когда, занимаясь за своим столом, я был невольным свидетелем, как отвратительно, по-генеральски грубо и неприлично распекал он старшего санитарного врача, явившегося к нему с докладом. Сам он сидел в кресле, а докладчик стоял перед ним. Он не выслушивал никаких доводов, а кричал, называл делаемые предложения глупыми и, наконец, приказал врачу замолчать, уходить и выполнять, что приказано.

Когда старший санитарный врач, который, впрочем, и сам примерно в таком же стиле, по-петербургски, а не «по-земски» принимал своих подчинённых, вышел, я собрал свои бумаги, подошёл к Губерту и совершенно спокойно сказал, что ухожу и больше работать в городской санитарной комиссии не буду, т. к. не желаю подвергаться риску попасть в такое недостойное положение, в каком только что был старший санитарный врач. Губерт реагировал на моё заявление совершенно неожиданным припадком раскаяния. Прямо молил меня не уходить, не бросать начатого дела. Бранил свой характер, каялся в своей несдержанности, распушенности. Согласился впредь выслушивать все доклады и предложения не единолично, а в президиуме совещания организации врачей. В состав такого президиума тут же просил войти меня.

Со второй половины 1909 г. удалось наладить регулярный выход двухмесячных обзоров, охватывавших все стороны деятельности учреждений и совещаний С.-Петербургской городской санитарной комиссии, которые издавались в виде «Материалов к отчёту санитарной комиссии за 1909 год». Это делало все виды деятельности всех санитарных служб доступными общественному контролю и взаимной критике, приучало и городских санитарных врачей к критической оценке своей работы и к постоянной проверке правильности и обоснованности поставленных перед ними задач и планов, т. е. вело к первым шагам перехода от бюрократически-чиновничьего отношения к санитарному надзору — к общественному санитарному строительству.

В каждом выпуске давался возможно полный и всесторонний статистический материал о показателях санитарного состояния населения, об инфекционной заболеваемости по частям и участкам города; давались

табличные материалы о деятельности санитарных врачей по жилищно-санитарному надзору (за дворами, домами, квартирами, прачечными и пр.); по надзору за промышленными и торговыми предприятиями; об амбулаторном обслуживании населения; о надзоре за состоянием ночлежных домов. Последней группой врачей руководили К. В. Караффа-Корбут¹ и Н. Ф. Гамалея. В ней были такие врачи, как Крыжевский, Гарон и др.

Очень подробный обзор давался о деятельности городской лаборатории, её бактериологического и санитарно-химического отделений, по исследованию пищевых продуктов и воды.

В особом отделе давались сведения о деятельности городских изоляционных убежищ и об итогах работы родильных домов. Большое внимание уделялось мерам по контролю за водоснабжением. За 1909 г. было издано три составленных мною двухмесячных обзора и за 1910 г. — четыре. Независимо от работы по изданию этих обзоров, всё время, пока в городе были холерные заболевания (с 9 июня по ноябрь), в конце каждого дня я к вечеру составлял ежедневный бюллетень о холере в Петербурге, в котором давалась точно проверенная сводка за день всех сведений о холерных и подозрительных по холере заболеваниях, о числе холерных больных, поступивших в больницы, обо всей противохолерной работе.

С ноября 1909 и в течение всего 1910 г. взамен этого ежедневного холерного листка под моей редакцией составлялось и рассылалось еженедельное печатное издание, носившее название «Краткие сведения о деятельности С.-Петербургской городской санитарной комиссии». Кроме табличных данных за каждую неделю в них помещались текстовые обзоры. Составление этого еженедельника размером от одного до двух с половиной печатных листов требовало от меня постоянного личного общения с руководителями различных учреждений. На этой почве у меня составилось хорошее знание положения дела в больницах и санитарных организациях города, а также личное знакомство со многими ведущими санитарными работниками Петербурга (В. И. Яковлев, В. П. Кашкадамов², Тылинский, Посадский и др.).

Характерным для Губерта поступком было помещение в вышедшем под его фамилией отчёте о холере в виде отдельной главы написанного мною и с сохранением моего авторства очерка «Холерная эпидемия в 1909 году в Петербурге в графических изображениях». При этом, как опытный плагиатор, Губерт, поместив в качестве своей статьи мою работу, сделал в ней подстрочное примечание: «При составлении графических изображений свой труд и знания приложил З. Г. Френкель, за что приношу ему благо-

¹ Караффа-Корбут К. В. — санитарный врач, философ, автор трудов по проблемам, стоящим на стыке науки и идеологии (биологии, генетики, антропологии, этнографии), входящим в так называемую супернауку («Komplexwissenschaft») — евгенику.

² Кашкадамов Василий Павлович (1863–1941) — гигиенист, работал у И. П. Павлова, руководил работой по борьбе с чумой; приват-доцент Женского медицинского института в Петербурге, профессор гигиены в Государственном институте медицинских знаний. В 1904–1918 занимал различные посты в Петербургском санитарно-эпидемиологическом бюро.

дарность». Фактически же я не только составил графики, но и написал всю статью, которую он перепечатал без каких бы то ни было изменений и добавлений.

В конце лета 1909 г. я получил письмо от сестры о тяжёлом состоянии здоровья отца. После случайного ранения пальца ноги у него началось нагноение и угрожала гангрена. Я взял временный отпуск, Губерт очень отзывчиво отнёсся к моей беде. Я приехал в Попенки. Отец был в полном сознании, хотя и лихорадил. На стопе действительно обозначились явления гангрены. По совету моего товарища по гимназии земского врача Яроша, навещавшего тогда отца, я немедленно отправился в Киев. Там разыскал рекомендованного Ярошем профессора-хирурга и упросил его немедленно ехать со мною в Попенки. Ему это было очень трудно, но он всё-таки после рабочего дня в клинике выехал со мною.

Была прохладная звёздная ночь, когда мы ехали на лошадях из Остра. Не без удивления я обнаружил, что мой спутник-хирург не хуже меня ориентируется в звёздном небе: он называл созвездия и с глубоким интересом отдавался созерцанию мирового пространства над нами. Обследовав отца, он объявил ампутацию голени неизбежной и посоветовал перевезти отца для операции в земскую больницу в Козелец. На следующий день он уехал. Я старался, насколько мог, его отблагодарить. Невыносимо больно и жалко было мне отца. Он, невзирая на свой восьмидесятилетний возраст, проявил удивительное мужество. Я обнимал его голову и переживал все его мысли и чувства, как мои собственные, я ощущал себя его частью, его продолжением.

Дело с операцией несколько затянулось. Я должен был вернуться в Петербург. Операция прошла благополучно. После возвращения отца из больницы трудное дело ухода за ним, перевязок, заказа для него специального кресла, в котором он целые дни передвигался по усадьбе, взяла на себя моя сестра Соня, которой помогала девочка-подросток лет 12–13 из деревни, специально нанятая, чтобы возить кресло. Когда летом 1910 г. я навестил отца, я был поражён, как любовно ухаживала эта девочка за ним. Отец платил ей за этот внимательный, терпеливый уход трогательной нежной привязанностью. Она усаживала его в кресло, передвигала его по дому, возила его по усадьбе. Когда его зрение утомлялось, и ему было трудно читать, она часами читала ему вслух газеты, журналы, новые сельскохозяйственные книги.

Лето 1909 г. мы прожили на Старопарголовском проспекте в Лесном во временно свободной квартире профессора Политехнического института П. Б. Струве¹. В это время на Большом Сампсониевском проспекте (в советское время он назывался проспектом Карла Маркса) строился новый дом № 87. Нам нравилось местоположение этого дома на половине дороги от Лесного до города. Дом был окружён обширными ягодными садами. К осени мы сняли в этом доме квартиру в третьем этаже, выговорив при этом

¹ Струве Пётр Бернгардович (1870–1944) — экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов, редактор журналов «Освобождение», «Русская мысль». После 1917 — эмигрант.

право устроить на прилегающем участке небольшой садик для собственного пользования. Как только закончилось строительство, мы переехали в эту квартиру, в которой прожили до лета 1914 г., когда смогли перейти в свой дом, построенный на Васильевской улице в Лесном (с середины 30-х до середины 60-х гг. она называлась улицей Отдыха, а ныне это — Светлановский проспект).

Возможность осуществить постройку этого дома первоначально появилась в связи с получением некоторой суммы гонорара за вышедшие в 1913 г. в издательстве К. Рикеро мои «Очерки земского врачебно-санитарного дела». Остальную необходимую сумму мы получили в кредит под вторую закладную. Много труда и забот вложили мы с женой в постройку собственного дома. Особенно много волнений переживала в связи с заботами по постройке дома Любовь Карповна. В нём она прожила всю дальнейшую свою жизнь до самого дня своей смерти 13 июня 1948 г.

В первые месяцы 1910 г. немало затратил я времени и труда на изучение экспонатов обширной выставки по борьбе с пьянством, устроенной при Русском обществе охраны народного здоровья Комиссией по борьбе с алкоголизмом. Главным двигателем при устройстве этой выставки был всё тот же Губерт. Но в настоящем смысле душою и вдохновителями выставки были известные борцы с алкоголизмом — доктора Григорьев и Новгородцев. На меня были возложены нелёгкие обязанности секретаря экспертной комиссии по оценке всех экспонатов выставки. Пришлось писать проекты постановлений по экспонатам каждого из учреждений, давших для неё материалы. Особую ценность представляли практические материалы отдела Государственной винной монополии (казённой продажи вина) и работы финского профессора Ляйтинена. Замечательно наглядную большую, собственноручно выполненную таблицу выставил В. В. Подвысоцкий¹: «Изменения в ганглиозной нервной клетке коры головного мозга» (по препарату, изготовленному из коры головного мозга умершего от опоя).

В экспертной комиссии пришлось работать совместно с Иваном Андреевичем Дмитриевым, Дмитрием Петровичем Николаевским и др.

С 1910 г. я принимал регулярное участие в заседаниях редакционной коллегии журнала «Городское дело», редактором которого был Л. А. Велихов², и журнала «Земское дело», редактировавшегося В. С. Голубевым³.

¹ Подвысоцкий Владимир Валерьянович (1857–1913) — профессор патолог, эндокринолог, директор Института экспериментальной медицины в Петербурге (1905–1913); организатор Русского отдела на Международной гигиенической выставке в Дрездене (1910–1911) и генеральный комиссар Всероссийской выставки по гигиене (1912). Создал научную школу патологов и микробиологов.

² Велихов Лев Александрович (1875–1940?) — юрист, кадет, депутат 1-й Государственной думы. Один из инициаторов издания журналов «Земское дело» и «Городское дело», участник Первой мировой войны; в 1915 вошёл в состав Военной комиссии Думы. После Октябрьского переворота преподавал в вузах Новочеркасска и Ростова-на-Дону. В 1938 арестован и осуждён на восемь лет лагерей. Дальнейшая его судьба неизвестна.

³ Голубев Василий Семенович (?–1911) — писатель. До 1894 — в ссылке в Восточной Сибири за пропаганду среди рабочих. Вступив на земскую службу, редак-

Фактической направляющей и руководящей силой в обоих журналах был Д. Д. Протопопов, один из членов издательского кружка, составленного рядом общественных деятелей, вложивших часть своего капитала в издание этих журналов.

Во второй половине лета выставочный комитет Южнорусской областной выставки, устроенной Екатеринославским земством, пригласил меня в состав экспертного совета по оценке экспонатов. Поездку в Екатеринослав (Днепропетровск) я совместил с отпуском. Всей семьёй мы приехали в Попенки. Оставив там двух младших дочерей, мы с Любовью Карповной и старшей дочерью Зиночкой, тогда уже десятилетней девочкой, поехали в Екатеринослав. От Киева до Александровска (с 1921 г. — Запорожье) мы плыли на пароходе, а оттуда ехали по железной дороге. Из Александровска мы съездили осмотреть пороги, переехали на остров Хортицу, осмотрели те места, где 15–20 лет спустя была сооружена Днепровская гидроэлектростанция.

Выставка Южного края представляла для меня огромный интерес. Там были впервые выставлены тракторные плуги и крупные сельскохозяйственные орудия, предназначавшиеся для сельской кооперации. Специально изучив все экспонаты, отчёты и издания по земской медицине уездных и губернских земств Екатеринославской, Харьковской и других губерний, я составил их сравнительный обзор и оценку. Из Екатеринослава мы проследовали на пароходе в Одессу. По пути, в Херсоне, провели исключительно жаркий день у Евгения Ивановича Яковенко. При своей квартире он устроил и хорошо обставил санитарную лабораторию и отдавал много времени исследованиям воды и почвы. По его почину в городе, в школах, у пристани были поставлены фонтанчики для питья воды.

В Одессе я виделся с Николаем Петровичем Василевским, познакомился со всей постановкой Одесской городской санитарной организации и с разработкой заболеваемости, осматривал поля орошения; несколько раз подолгу осматривал Одесскую южнорусскую выставку. Из Одессы мы вернулись в Попенки и, пробыв там несколько дней, возвратились в Петербург.

В Попенках я видел в последний раз свою мать. Как всегда, она несла огромную работу по хозяйству. Я не видел человека более трудоспособного, трудолюбивого и доброго, чем наша мать. С раннего рассвета до поздней ночи она была непрерывно занята. Сама стирала бельё, мыла полы, месила в деже тесто и пекла хлеб на всю неделю, стояла помногу часов у русской печи. Она не только стряпала и обед, и ужин, но и готовила пойло для коров и свиней, доила коров и в то же время каким-то образом находила силы, чтобы успеть работать в огороде: выбирать огурцы, полоть, окучивать и т. д.

Нас, детей, было десять, но мать любила всех одинаково глубоко, нежно, деятельно. Расчёсывала, мыла в корыте. Когда приходило время кому-нибудь из нас уезжать, мать заранее горевала, украдкой плакала безутешно. Мы старались утаить от неё день отъезда, чтобы меньше причинять ей горя.

тировал орган Саратовской управы «Земская неделя». С 1904 редактировал ряд изданий в Петербурге, с 1908 — член редколлегии «Земского дела».

Со вниманием выслушивала наша мама все наши, ей одной доверяемые рассказы о неудачах и угрожающих неприятностях, ободряла и старалась внушить надежду, а сама роняла при этом слёзы. И на этот раз мой отъезд со всей моей семьёй после недолгого пребывания вызвал слёзы и огорчение матери. К тому же, она незадолго перед тем простудилась и жаловалась на боль в ухе. Вскоре по возвращении в Петербург я получил телеграмму, что болезнь матери приняла чрезвычайно серьёзный характер. Когда приехал из Козельца врач, больная была в тяжёлом забытьё и, не приходя в сознание, скончалась. Причиной смерти врач признал нарыв в среднем ухе, прорвавшийся внутрь и вызвавший воспаление мозговых оболочек.

Составление одного за другим выпусков «Материалов к отчёту СПб городской санитарной комиссии», а затем еженедельного «Бюллетеня...» я рассматривал как замену печатного периодического органа для объединения работников и всех учреждений санитарного дела Петербурга в единую организацию, отдающую силы борьбе за успехи своего общего дела. Летом 1909 и в 1910 г. ещё продолжалась в столице холерная эпидемия и эпидемия возвратного тифа. Оживлённый интерес среди санитарных работников вызвал пресловутый закон о принудительном оздоровлении Петербурга. Этот закон, проведённый Столыпиным через законопослушную 3-ю Государственную думу, служил в одно и то же время для посрамления самого принципа самоуправления, «не способного», якобы, двигать даже местное благоустройство. В то же время столыпинское правительство стремилось нажить на «принудительном оздоровлении Петербурга» политический капитал деловитости.

В городской санитарной комиссии постоянно происходили совещания по развитию мер против эпидемий, по изучению холеры, по улучшению контроля за наличием холерного эмбриона в неводской воде, по обеспечению работающих по берегам Невы каталей и грузчиков кипячёной водой, по более действенному санитарному наблюдению за появлением эпидемических заболеваний в ночлежных домах. И хотя все эти совещания, комиссии и подкомиссии носили характер обычной бюрократической возни и шумихи, но всё же кое-кому приходилось заниматься составлением «записок», отчётных докладов, научных сообщений и пр. Такими работниками были В. П. Кашкадамов, В. И. Яковлев и привлечённый Губертом в качестве консультанта Н. Ф. Гамалея. Он незадолго перед тем приехал из Одессы. Там он научно освещал задачи работы по борьбе с холерой и по предупреждению чумы, когда вся эта работа велась под руководящим командованием черносотенного градоначальника Зелёного. Вместо таких крупных санитарных деятелей, как Н. П. Василевский, П. Н. Диатроптов¹ при Зелёном подвизался надёжно черносотенный Кияницын. Заслугой Н. Ф. Гамалеи явилось настаивание в Петербурге на необходимости внимания городской санитарной комиссии к организации и поддержанию рационального сани-

¹ Диатроптов Пётр Николаевич (1859–1934) — гигиенист и микробиолог, один из организаторов санитарно-бактериологического дела в России. В 1910 — профессор Высших женских курсов в Москве, затем — кафедры общей гигиены в МГУ, с 1928 — председатель учёного совета Наркомздрава.

тарного контроля и надзора в ночлежных домах. Вместе с выдвинувшимся в это время инициативным молодым гигиенистом К. В. Караффа-Корбутом, Гамалея стал во главе специально созданной группы врачей по санитарному надзору за ночлежными домами. В эту группу вошли несколько молодых энергичных работников, многие из которых позднее выдвинулись в разных отраслях врачебно-санитарной деятельности. Среди них был Яков Осипович Крыжевский, ставший в советский период видным организатором и научным работником в области борьбы с туберкулёзом.

Ещё в 1909 г. у Н. Ф. Гамалеи и К. В. Караффа-Корбута возникла мысль издавать специальный санитарно-гигиенический журнал в Петербурге. Совместными их усилиями эта мысль была осуществлена и с начала 1910 г. журнал стал выходить регулярно. Он, конечно, имел коренное отличие от «Общественного врача», как органа общественно-санитарного направления во всей организации врачебного и санитарного дела в России. Не похож был этот новый гигиенический журнал и на официальный орган Управления главного врачебного инспектора, фактическим редактором которого был М. С. Уваров, — «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», хотя многие сотрудники этого «Вестника», да и сам М. С. Уваров, стали сотрудниками «Гигиены и санитарии». Особенностью последнего журнала было полное отсутствие политической направленности. В этом смысле журнал был совершенно «аморфным образованием». Полезной стороной его деятельности было, однако, то, что он создал возможность и способствовал появлению в печати статей многих молодых санитарно-гигиенических специалистов. Это помогло им затем выработать в себе навыки и стремление к литературно-научной работе. В недрах редакции «Гигиены и санитарии» зародилась мысль осуществить издание большого коллективного русского руководства по гигиене.

В письме за подписью Гамалеи, полученном мною в мае 1910 г., с предложением взять на себя составление одного из отделов в этом печатном руководстве указывалось, что в состав редакционного комитета русского «оригинального коллективного руководства по гигиене» вошли: Н. Ф. Гамалея, К. В. Караффа-Корбут, В. П. Кашкадамов, Н. Н. Костямин¹, С. А. Новосельский², М. С. Уваров и др. Объём издания был определён в 60 печатных листов большого формата со многими иллюстрациями. Была разработана программа, и часть разделов была уже распределена между редакторами. К сожалению, этот проект так и не был осуществлён, но времени на обсуждение подробных программ, на совещания и переговоры было затрачено немало.

Когда в 1910 г. требование санкт-петербургского градоначальника об устранении меня, как политически неблагонадёжного, от службы в городской санитарной комиссии положило предел моей работе в качестве ре-

¹ Костямин Н. Н. — профессор-гигиенист, эпидемиолог, участник борьбы с холерой в Одессе и других городах юга России. В 1921–1922 — ректор Медицинского института в Одессе.

² Новосельский Сергей Александрович (1872–1953) — один из основателей отечественной санитарно-демографической статистики, академик АМН СССР.

доктора издания «Отчёты и труды городской санитарной комиссии и её учреждений», я целиком ушёл в работу в становившемся в то время на ноги журнале «Земское дело», издателем и главным редактором которого, так же, как и журнала «Городское дело», был Д. Д. Протопопов.

Участие в редакционных заседаниях этих журналов привело к сближению с рядом таких работников, как Голубев, фактически редактировавший «Земское дело», Л. А. Велихов, Б. Б. Веселовский¹ и др. Помимо статей по вопросам земской медицины и санитарного дела я иногда писал передовицы для очередного номера журнала или составлял разделы хроники. Так, в апреле 1910 г. к открытию в Петербурге XI Пироговского съезда врачей мной была написана передовая статья о значении пироговских съездов в развитии земской медицины. Мне кажется, в этой статье впервые было дано обобщение подлинного значения пироговских съездов и правления Пироговского общества для формирования и объединения в единую общественно-санитарную организацию работников земской медицины, как системы и науки по лечебно-профилактическому обслуживанию здоровья населения.

Смерть Голубева была тяжёлым ударом и потерей для журнала «Земское дело». Для меня было большой неожиданностью решение редакционного совета предложить мне редакторство журнала. На основании этого решения Д. Д. Протопопов пригласил меня на должность редактора (с платой по 150 рублей в месяц). Таким образом, с конца 1910 г. мне пришлось много времени отдавать редактированию журнала. Книжки «Земского дела» выходили два раза в месяц. Нужно было редактировать все поступавшие статьи и вести большую переписку с авторами о сокращениях и изменениях, вносимых при редактировании; не только составлять лично для каждой книжки хронику с откликами и заметками редакции по поводу более важных явлений текущей земской жизни, по поводу правительственных распоряжений, законодательных проектов, но и наряду с этим напряжённо обдумывать составление следующего номера, обеспечение его статьями, обзорами, критическими заметками о вновь выходящих книгах.

Часто приходилось обращаться к известным в соответствующей отрасли земского дела авторам с просьбой дать статью для журнала. Составленный номер я выносил на утверждение редакционного собрания. Много времени отнимало чтение корректурных гранок, а затем окончательная сверка сверстанного номера и получение разрешения на его выпуск.

Во многих земствах, даже губернских, а не только захолустных уездных, у кормила стояли черносотенные заправилы, пришедшие в земства после разгрома революционного движения 1907–1908 гг., чтобы не развивать и не расширять земское дело, а сокращать его. Но и в таких земствах — под напором «низов» — в экономической области, в дорожном строительстве, в строительстве таких земских предприятий, как черепичные и кирпичные или цементные заводы, дело продолжалось. Я тщательно собирал все сведения о росте низовых запросов к земствам и в связи с этим о безостановочном росте земских бюджетов, невзирая на реакционно-погромные

¹ Веселовский Борис Борисович (1880–1954) — историк земства и экономики городского хозяйства, краевед, публицист. После 1917 — профессор МГУ.

устремления новых земских хозяев из дворян типа курских Марковых или екатеринославских октябристов.

Нужно было поддерживать и укреплять бодрое упорное отстаивание задач земского строительства и сплочение вокруг этих задач уцелевших в земствах рядов «третьего элемента». В передовых статьях и в подборе материала для хроники земской жизни, в анализе и обзоре земских бюджетов я сосредоточивал внимание на не прекращавшемся, всё более возраставшем и усиливавшемся росте требований «низов» к земству. По составу своих хозяев и по своей архаической избирательной системе и организации земство не отвечало растущим требованиям культурно-хозяйственного устройства сельской жизни, местной жизни вообще. Я старался внедрить мысль, что не запросы неотвратимого экономического развития ступают перед отсталостью земского строя, а этот самый строй не устоит перед напором низовых сил и всё более широких проявлений растущей силы низов. Эта мысль пронизывала все страницы каждой книжки «Земского дела», несмотря на все трудности цензурных условий и на все соображения осторожности боязливого издательства. За годы редактирования журнала я систематически изучил организацию местного самоуправления и местных финансов, а также вопросы развития потребительской и кредитной кооперации и страхового дела. Это фундаментальное знание указанных вопросов было мною положено в основу вышедшей уже после Октябрьской революции в 1924 г. книги «Задачи местных волостных органов в деле развития благоустройства».

Почти одновременно с началом работы по редактированию «Земского дела» началась и другая моя деятельность, на несколько лет серьёзно захватившая моё внимание и сама оказавшая большое влияние на последующие этапы моей жизни. По предложению Ивана Андреевича Дмитриева на меня была возложена комиссией Пироговского общества разработка программы Всероссийской выставки по гигиене и врачебно-санитарному делу и составление доклада XI Всероссийскому Пироговскому съезду с обоснованием этой программы. Работая над докладом, я исходил из накопленного мною довольно значительного опыта участия в разработках и подготовке музейно-выставочных материалов для привлечения более широкого внимания к очередным задачам врачебно-санитарного дела, к вопросам организации земской медицины, к разным разделам гигиены и оздоровления условий жизни населения.

Ещё в бытность санитарным врачом в Новоладожском уезде, так же, как затем в Нарвском участке в Петербурге, в Вологде и т. д., я всегда видел, как оживлялось внимание участников земских собраний и публики, присутствовавшей на обсуждении моих докладов, если мне удавалось сопроводить свои выступления показом основных их положений на картограммах, на ярких наглядных диаграммах и показательных таблицах.

В ходе подготовки Всероссийской гигиенической выставки встал вопрос об участии России в Международной гигиенической выставке в Дрездене. Правительственным комиссаром по устройству Русского отдела на Дрезденской выставке был назначен профессор В. В. Подвысоцкий — директор Института экспериментальной медицины. В национальном русском отделе этой выставки предполагалось представить экспонаты всех ве-

домств и министерств, связанных с организацией общественного здоровья, в том числе, по предложению В. В. Подвысоцкого, впервые должны были участвовать и земские организации.

Первоначально это предложение В. В. Подвысоцкого было встречено и правлением Пироговского общества, и земскими врачебно-санитарными организациями отрицательно. Причина крылась в том, что в постоянном отстаивании интересов своего врачебно-санитарного дела от административных притеснений, урезываний и запретов у земских передовых деятелей выработалось отрицательное отношение ко всяким выступлениям «казённой» государственной медицинской организации. Уже сама идея совместного выступления на выставке рядом с «казённой» медициной настораживала руководителей многих земских врачебно-санитарных организаций.

Тем не менее, в выставочном комитете была создана специальная группа по устройству отдела русской общественной медицины. В неё вошли профессор С. С. Салазкин¹, И. А. Дмитриев, а в качестве секретаря этой группы был привлечён я. На меня легла львиная доля организационной работы. В губернские земства был направлен призыв принять участие в подготовке материалов по земской медицине. Много усилий пришлось затратить, чтобы преодолеть негативное отношение земцев к выставке и убедить их принять в ней участие. Мною были направлены личные письма ко многим деятелям земской медицины, не раз пришлось выезжать на заседания санитарных советов и в личных переговорах убеждать в важности и значении показа достижений русской общественной медицины. Незаменимую помощь в поддержании постоянного порядка во всё возрастающей переписке с земствами, в составлении статистических таблиц, в проверке подсчётов оказывала моя сестра Саша — Александра Григорьевна Черноголовко². Она тоже окончила Рождественские курсы Лесгафта по специальности акушер-фельдшерица.

Много усилий потребовала разработка плана и программы организации и работы русского отдела, налаживание получения экспонатов с мест. По моему предложению было организовано рабочее бюро (счётчики и чертёжники) для разработки обобщающих материалов по всем губерниям и их художественному оформлению. Руководить этим бюро было поручено мне. При отборе и систематизации получаемых материалов я стремился отразить не только достижения земской медицины в отдельных губерниях, но и показать всю земскую медицину в целом.

¹ Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932) — биохимик, профессор Женского мединститута (1898–1911), общественный деятель. Был народником, участвовал в революции 1905–1907; входил во Временное правительство; ректор Крымского университета в Симферополе (1918–1924), профессор 1-го Медицинского института (1925–1931). С 1927 — директор Института экспериментальной медицины.

² Александра Григорьевна (1875–1924) жила в Петербурге, растила пятерых детей. Её муж Григорий Николаевич Черноголовко — обладатель прекрасного голоса — пел в Мариинском театре, но затем из-за болезни преподавал в гимназии. В 1917 семья выехала, как обычно, на лето в Попенки, но в условиях начавшейся Гражданской войны вернуться в Петроград не смогла, а переехала в Киев. В 1924 Александра Григорьевна умерла от туберкулёза.

Зима в Петербурге в тот год оборвалась необычно рано. В феврале вместо привычных для петербуржцев сретенских морозов началась оттепель. Она затянулась. Было настолько тепло, что стали опасаться за прочность льда на Неве. Твёрдо помню это потому, что я очень интересовался, как будет прокладываться от новой фильтроозонной станции на Петербургской стороне у Сампсониевского моста водовод для подачи воды в сеть Выборгской стороны. Звенья его укладывались и соединялись на льду. Из опасения внезапного ледохода работы эти были прерваны, и я не видел самого процесса спуска водовода на дно реки через прорези льда. Но в начале апреля возобновилась морозная погода, и я с семьёй (т. е. с Любовью Карповной и тремя дочерьми — 8, 10 и 12 лет) уезжали из Петербурга, имевшего зимний вид, в Дрезден. На вторую ночь мы переехали границу. Рано утром, задолго до полного рассвета, всматриваясь через окно в открывавшиеся виды чужой страны, я обратил внимание, что деревья покрыты хлопьями снега, но вскоре убедился, что деревья белы не от снега, а от того, что были в полном цвету черешни, миндаль и сливы.

В Берлине нас встретил инженер Иван Карпович Полтавцев, брат Любови Карповны, который, получив в 1906 г. разрешение на выезд из сибирской ссылки за пределы России, уже несколько лет жил со своей семьёй в столице Германии. Там он организовал свою техническую контору. Мы пробыли у Полтавцевых всего два или три дня. Вместо зимнего пейзажа, который мы покинули в Петербурге, в Берлине всюду зеленели газоны, цвели тюльпаны и нарциссы. Город казался нарядным и опрятным. Его благоустройство вызвало у меня не только интерес, но даже зависть. Пробуждалось желание добиться такой же чистоты и благоустроенности в наших городах. Незирая на кратковременность остановки, я всё же успел побывать в окрестностях Берлина недалеко от Гафельского озера на полях орошения Шарлотенбургской канализации, тогда ещё не объединённой с Берлинской канализацией.

Нужно было торопиться в Дрезден. Там уже заканчивалась постройка Русского павильона. Спешно шла отделка внутренних помещений, и началось развёртывание выставочных отделов. Для размещения отдела земской медицины предназначался верхний этаж — скромные горницы под высокой крышей русского терема.

Для размещения экспонатов Земского отдела, которым я непосредственно ведал, пришлось использовать каждый уголок, каждый квадратный метр. По мере развёртывания моих сводных графиков и таблиц, наглядных картограмм я разъяснял всем моим сотрудникам и приходившим выставочным работникам содержание и особый смысл каждого экспоната. Это привело к тому, что ещё задолго до открытия Русского отдела публика постоянно собиралась и слушала мои разъяснения. Если я видел, что среди слушателей были люди, не знающие русского языка, я переходил на немецкий.

Окончание устройства и официальное открытие Русского павильона на Дрезденской выставке произошло со значительным опозданием (почти на целый месяц). Некоторым утешением для нас было то, что другие павильоны (английский, французский) были открыты с ещё большим опозданием. Благодаря архитектурной оригинальности Русского павильона, построенного в стиле московских теремов, яркости его расцветки, а может

быть и благодаря энтузиазму молодых объяснителей, русский отдел привлёк к себе значительное внимание.

По соседству с русским был открыт японский павильон. Японцы не пожалели средств на пышное и не лишённое тонкого вкуса художественное оформление своих экспонатов и выставочных помещений. Вскоре после открытия нашего отдела и временного отъезда В. В. Подвысоцкого в Петербург, в служебное помещение к нам зашёл секретарь японского отдела. Молодой немецкий врач-гигиенист передал желание профессора Такаки, известного микробиолога, ректора Токийского университета, являвшегося правительственным комиссаром японского отдела Дрезденской международной выставки, познакомиться с нашим отделом. Условились, что Такаки будет в нашем павильоне на следующий день в четыре часа. К сожалению, на следующий день я должен был на короткое время отлучиться из нашего павильона, меня несколько задержали, и я пришёл на семь минут позже условленного срока.

Профессор Такаки с женой (немкой) и с двумя секретарями был уже в нашем павильоне и осматривал научный отдел Института экспериментальной медицины со знаменитой павловской собакой на первом плане. Я очень просил меня извинить за невольное и непредвиденное опоздание, и после представления меня жене Такаки провёл гостей по всем разделам Русского павильона. Наконец мы поднялись по лестнице в «земские антресоли». Я старался разъяснить сущность земской медицины, всё её общественно-санитарное профилактическое построение и значение, останавливаясь на наших скромных моделях, фотографиях, диаграммах. Было видно, что Такаки слушает мои пояснения с большим вниманием. Уходя из земского отдела, он, пожимая мне руку, сказал: «Нечто подобное вашей земской медицине хотел бы я ввести в Японии». Затем он пригласил меня познакомиться со всей экспозицией японского павильона.

В назначенный день, точно минута в минуту, в условленное время я вместе с Любовью Карповной прошёл в японский павильон. Нас попросили подождать в канцелярии. Ровно через семь минут вышел Такаки и с большой предупредительностью провёл нас по всему отделу. С особенной подробностью он остановился на «культуртрегерских» заслугах японцев на острове Формоза. Японцы научили там детей употреблять при еде посуду, ложки и вилки, умываться по утрам, вообще прививали гигиенические навыки в основанных ими школах. Демонстрируя прекрасно выполненные муляжи кушаний и дневных рационов японских рабочих и крестьян, Такаки настаивал, что нормы потребления жиров и белков европейскими физиологами, гигиенистами и диетологами чрезвычайно, по его мнению, преувеличены. При этом, вероятно, не бралась во внимание огромная разница в климате наших стран. С большой любезностью отвечал Такаки на вопросы Любови Карповны о положении в Японии охраны материнства и младенчества и о санитарных мероприятиях по охране детей после грудного возраста¹.

¹ Интерес Любови Карповны не был праздным. Она профессионально занималась проблемами материнства и младенчества, постановкой обучения в средней школе и задачами физического воспитания детей. По всем этим вопросам она регулярно печатала статьи в газетах и журналах.

В Дрездене мы жили в пансионе фрау Вундерлик на Бюргервизе. Каждый день, направляясь в «Большой парк», где находилась выставка, я вновь и вновь испытывал восхищение благоустроенностью и красотой художественного оформления этой центральной части города. Массивное, тяжёлое своеобразие ратуши, зелёные аллеи, окаймлённые магнолиями, платанами, буками и кустами айвы. Широкие изумрудно-зелёные поляны с прудами, на которых величаво плавали лебеди. С природной красотой так удачно сочетались большие скульптурные группы ведущих хоровод граций и муз классической древности; от них дорога шла до королевского дворца Бюргервизе мимо одиноко стоящих вековых дубов и пышных цветников. Всё это, невзирая на большое число пешеходов и посетителей, всегда поражало безукоризненной чистотой и свежестью. Нельзя было не видеть, какое большое воспитательное и культурно-эстетическое воздействие оказывало всё это благоустройство на публику, особенно на детей.

Что особенно привлекательно было в дрезденских парках, садах и бульварах — это обилие певчих птиц. Зяблики и чёрные дрозды привыкли, что люди их не обижают, а, наоборот, подкармливают, бросая крошки или даже специально продаваемый повсюду в ларьках корм для птиц. Не успеешь присесть на скамейку, как к тебе направляются красивые, с жёлтым клювом, чёрные дрозды, а с веток деревьев слетают зяблики. По большим полянам бегали похожие на зайцев крупные кролики.

В дачный период (июль–август) мы жили в Вейксдорфе (несколько станций от Дрездена). Это деревня, девушки которой, дочери местных крестьян, работали преимущественно на шоколадных фабриках в Дрездене. Вокруг — прекрасные места для прогулок: леса с озёрами, перемежающиеся с полями и лугами. Мы сняли мезонин в одной из дач, обедали в крестьянской семье по соседству, а по воскресеньям — в ресторане подле железнодорожной станции. Каждый день я по железной дороге ездил в Дрезден на выставку.

Наши три дочери быстро сдружились с детьми соседнего врача и с другими деревенскими детьми, причём гораздо скорее, чем на уроках немецкого языка, овладели запасом слов, необходимым для общих игр и проказ на улице. Они быстро усвоили, что при прогулке по полевым межам и дорогам нельзя срывать ни одного колоска, за этим следила полевая полиция; что нельзя на улицах и на дороге поднять упавшую с дерева грушу, т. к. это «неприлично», «непристойно», стыдно — одним словом — «s'ist doch unanständig», как объяснил мне порядочный «головорез» — уличный мальчишка, отвечая на мой вопрос, почему он не берёт упавшие с дерева груши. Грушевыми деревьями были обсажены все дороги и улицы. Оказалось, что все эти деревья сдавались сельским обществом в аренду садоводу, которому и принадлежал весь урожай плодов. Только он собирал опавшие плоды и ухаживал за деревьями.

Удивляли нас и другие обычаи местного населения. Прежде всего, стойко сохранявшиеся привычки к общности и взаимосвязи между людьми, без разделения на «своих» и «чужих». Идя по улице, приходилось непрерывно отвечать на приветствия: «доброе утро», «добрый день» и т. д. Через два-три дня все соседи были уже, очевидно, осведомлены кто мы, куда и зачем

я езжу... Подходя к железнодорожной станции, я вижу, что могу опоздать к поезду, ускоряю шаги, но слышу спокойное приветствие сторожа, занятого подметанием дорожки: «Добрый день, доктор! Не спешите. Ещё есть время. Ещё целая минута». Откуда он уже знает, что я спешу к дрезденскому поезду? Почему называет меня доктором? — недоумеваю я, выражая ему на ходу благодарность за внимание.

Быт жителей саксонской деревни существенно отличался от быта русских деревень. В Вейксдорфе был свой уличный сторож, подметавший улицу, собиравший весь сор и конский навоз с дороги. Последний он использовал в качестве удобрения уличных посадок из фруктовых деревьев. Имелся в деревне и свой «ассенизационный обоз», два-три раза за лето вывозивший на поля и луга нечистоты из выгребных домовых уборных. Было и своё водоснабжение — хорошо оборудованные буровые колодцы с насосами.

При нас после уборки скошенного сена луга были политы нечистотами, вычерпанными из придомовых выгребных ям. На несколько часов воздух был отравлен сильнейшим зловонием. На возмущение Любови Карповны, жаловавшейся на невозможность прогулок, наш хозяин с совершенно невинным видом и без удивления по поводу «вздорных», на его взгляд, претензий, заявил: «Да ведь это же просто удобрение! Ничего более».

Разлитые по скошенному лугу нечистоты, разумеется, нельзя запахнуть, поэтому понадобилось несколько дней, чтобы они окончательно минерализовались и перестали издавать зловоние. Зато после этого трава для второго укоса (отава, как говорят на Украине) стала быстро и пышно разрастаться, и луг ласкал взор свежей густой зеленью.

Вскоре после возвращения из Вейксдорфа в Дрезден я случайно встретился с В. Я. Богучарским и возобновил с ним знакомство, начавшееся ещё в 1898–1902 гг. в редакционных собраниях журналов «Новое слово» и «Жизнь». В Дрездене в 1911 г. Богучарский, сколько помню, работал над материалами по истории развития социальных отношений в известном книгохранилище *Goschesammlung*. В свободное время он часто бывал у нас. Он познакомил Любовь Карповну с интересными окрестностями Дрездена и их описанием в воспоминаниях у Тургенева и других русских писателей. Занятый ежедневно на выставке, я не имел возможности воспользоваться знанием местных достопримечательностей и книжных собраний В. Я. Богучарского.

К началу школьных занятий Любовь Карповна должна была уехать с детьми в Петербург, а я, оставшись один, свободное от выставки время употреблял на составление и печатание брошюры на немецком языке о земском отделе. Она вышла на прекрасной бумаге с очень хорошо воспроизведёнными снимками и графиками. Много труда было положено на составление общего путеводителя по русскому отделу. Разумеется, общий официальный каталог нужно было и с внешней стороны оформить надлежаще. Художественную сторону издания взял на себя лично сам Владимир Валерьянович Подвысоцкий, который, несомненно, был одарён хорошим вкусом. Кстати, именно по его замыслу в центральном вестибюле Русского павильона была помещена выполненная Юлией Свирской (племянницей В. В. Подвысоцкого) грандиозная скульптура «Россия» — в виде спокойно

и величаво восседающей, опираясь на государственный герб, могучей русской женщины с символически отброшенным на пол мечом.

Выход в свет официального каталога не снимал с очереди составления и издания объяснительных записок и специальных каталогов для отдельных составных частей и групп русского отдела. С усердием и настойчивостью занимался я составлением такого общего объяснения к отделу земской медицины, за организацию которого нёс ответственность. Только в августе удалось мне закончить немецкий текст объяснительного очерка к земскому отделу. Для его своевременного издания (в Дрездене) мне пришлось много часов провести в типографии, так как русского корректора в ней не было. Хотя и мучила меня неуверенность в правильности моего немецкого текста, однако распространение вышедшего, наконец, в свет моего “Das russische Semstwomedicinawesen” имело большой успех.

Появившиеся в дрезденской газете заметки об интересе, вызванном представленной в русском отделе организацией бесплатного лечебно-профилактического обслуживания, а затем и выход из печати моего описания земской медицины, были причиной обращения ко мне профессора Зонрея с просьбой дать для издаваемого журнала статью о лечебно-санитарных мероприятиях земств. Его желание было мною выполнено.

Среди случайных слушателей моих объяснений в земском отделе Русского павильона иногда бывали проезжавшие через Дрезден путешественники из числа представителей литературных кругов тогдашнего Петербурга. Помню, как-то по окончании моей лекции одной из групп экскурсантов ко мне подошёл пышущий здоровьем, цветущего вида С. А. Венгеров¹ и говорил мне о неожиданности для него узнать о некоторых очень глубоких по своему смыслу и содержанию явлениях русской действительности здесь, в Дрездене.

В другой раз после моих объяснений в долгую беседу по поводу построения моего рассказа экскурсантам вступил П. Б. Струве. Он сообщил, что уже несколько раз слушал мои пояснения и всякий раз удивлялся, зачем я затрачиваю так много сил, чтобы всегда строить изложение по-другому, по-новому. Ведь это же ненужное расточительство сил! Следует составить один раз то, что мне нужно объяснить, и придерживаться этого текста. Я должен сознаться, что такого совета я не мог ни понять, ни признать. При изложении мною владеет содержание, а за формой я не гонюсь.

Вспоминается мне проезд в Дрезден для изучения гигиенической выставки Николая Ивановича Тезякова², оборвавшийся в самом начале в связи с трагическим известием о внезапной смерти его жены. Утром я встретил его, только что приехавшего, в Русском павильоне, успел бегло ознакомить с «земскими антресолями», в экспозициях которых были использованы прекрасные фотографии, присланные Саратовским губернским земством,

¹ Венгеров Семён Афанасьевич (1855–1920) — историк литературы, библиограф. Автор монографий о многих русских писателях, составитель многотомных биографических и библиографических словарей.

² Тезяков Николай Иванович (1859–1925) — земский санитарный врач, один из организаторов советского здравоохранения. Труды по демографии, социальным болезням и др.

т. е., следовательно, самим Тезяковым. Возвратясь в свою рабочую комнату, я среди полученной почты нашёл адресованное мне письмо одного из саратовских сотрудников Николая Ивановича с известием о внезапной смерти его жены, произошедшей в пути на юг Донской области, куда она поехала навестить родных.

Только на следующий день я смог после предварительной подготовки передать эту весть Николаю Ивановичу. Нельзя забыть тех потрясения и горечи, которые были вызваны известием у Николая Ивановича. Этот крепкий, постоянно деятельный, энергичный, сильный человек как-то сразу осел, замолк, точно парализованный. Конечно, он немедленно уехал из Дрездена туда, где умерла его жена. Глубина его горя без слов передавалась всем нам, провожавшим его.

Но через два-три месяца мне рассказали приехавшие из Саратова коллеги, что в свой город он вернулся не один. На похоронах жены он познакомился с сельской учительницей, которая сопровождала его в Саратов для того, чтобы помочь удручённому горем Николаю Ивановичу при устройстве его дел. Лет десять спустя, когда Николай Иванович работал уже в Наркомздраве РСФСР в качестве одного из организаторов санаторно-курортного отдела, при поездках в Москву для участия в различных совещаниях при НКЗ, на которые меня приглашал нарком Н. А. Семашко¹, мне приходилось пользоваться гостеприимством Николая Ивановича и останавливаться у него. У меня оставалось впечатление исключительной взаимной привязанности и дружбы между Н. И. и его новой супругой. Даже в тяжёлых бытовых условиях 1920–1922 гг. она создавала для него атмосферу внимательной заботливости, тёплого дружеского участия, уюта и покоя.

В связи с приездом в город главнокомандующего японской армии генерала М. Ноги японский отдел устроил в его честь парадный обед. Он состоялся в королевском дворце. Приглашения на обед были разосланы в каждый национальный отдел выставки на имя его главы или, при отсутствии такового, на имя его заместителя. Хотя я официально никакой должности в русском отделе не занимал, но поскольку постоянно давал там объяснения, читал лекции, меня знали в других павильонах. Знали и как внимательно знакомившегося и интересовавшегося их выставками и экспонатами, а отчасти, может быть, и в связи с некоторым ореолом бывшего члена 1-й Государственной думы. Одним словом, Такаки считал, что если в Дрездене отсутствует Подвысоцкий, то я являюсь его заместителем, и приглашение было прислано лично мне. Я было принял решение уклониться от совершенно несвойственного мне положения участника в таком официальном банкете. Но находившиеся в то время в Дрездене В. А. Левицкий², П. И. Куркин

¹ Семашко Николай Александрович (1874–1949) — один из организаторов советского здравоохранения, академик АМН СССР и АПН РСФСР. Участник революции 1905 (Н. Новгород), Октябрьской революции (Москва). С 1918 нарком здравоохранения РСФСР. Член президиума ВЦИК. С 1930 на преподавательской работе.

² Левицкий В. А. — гигиенист и санитарный деятель, внесший большой вклад в развитие гигиены труда.

и Н. И. Тезяков настойчиво требовали, чтобы я испил выпавшую на мою долю горечь участия в чужом пиру. Моё отсутствие будет истолковано как недоброжелательность к Японии, говорили мне. Пришлось подчиниться злой участи. Но я твёрдо заявил, что если и пойду, то всё равно наряжаться во фрачную пару (напрокат) не буду.

Так я и пришёл на обед в назначенный час в сюртуке. Во дворце пришлось перенести все официальные представления. Я присоединился к группе уже знакомых мне учёных, занялся оживлённой беседой, а когда раздалось громкое приглашение занять места в обеденном зале, я хотел, было, усесться скромно подальше, в конце стола, в глубине зала. Но распорядитель — немецкий секретарь японского отдела, громко на весь зал завопил: «Aber Herr Frenkel, Sie erkennen ihre nationale Fahne nicht an...» («Господин Френкель, вы не узнали ваш национальный флаг...»), и я вынужден был занять место в центре стола, как раз против усаженного с другой стороны рядом с Такаки генерала Ноги, а рядом со мной был посажен заведующий английским отделом. Некоторым утешением для меня было то, что кроме меня без фрака был всё же ещё один представитель — китаец.

После тягостного, затянувшегося напряжённого пребывания за торжественным столом я с облегчением после обеда присоединился к коллегам на открытой террасе дворца, где за отдельными столиками был сервирован кофе. Дождавшись первой возможности, я выбрался, наконец, из этой вынужденной и не своейственной мне обстановки.

Земский отдел с его очень скромным помещением и не менее скромной экспозицией, судя по заметкам в немецких газетах и по отзывам посетителей привлекал к себе непропорционально большое внимание. В нём видели «новое слово» в деле здравоохранения. Было поэтому вполне естественно, что в суворинском «Новом времени» появилась статья доносительно-натравливающего характера, в которой устами некоего «посетителя международной выставки из России» высказывалась горечь обиды, что на выставке слишком заметную роль играет не «коренной» русский человек, а какой-то опальный — бывший член 1-й Думы, представитель земского «третьего элемента», да ещё носящий «одиозную фамилию». Мне было неприятно думать о том, как больно это отразится на Подвысоцком. Но к его чести я должен сказать, что, возвратившись в Дрезден, он ни одним словом не помянул это в общении со мной.

С пребыванием в Дрездене связаны у меня воспоминания о нескольких интересных поездках. В июле разделы выставки по водоснабжению и канализации осматривал известный строитель многих наших водопроводов, автор проектов канализации в Варшаве и Петербурге, Самаре и других городах — Линдлей¹. По его инициативе и под его руководством была организована экскурсия для осмотра головных сооружений незадолго перед этим начавшей действовать дрезденской канализации, мест спуска в Эльбу сточных вод и для поездки выше по реке от места спуска до города Мейсе-

¹ Линдлей Вильям — английский гражданский инженер, крупный специалист по проектированию и сооружению водопроводной и канализационной сетей в различных городах России.

на, чтобы наблюдать видимые признаки загрязнения и разные стадии самоочищения такого мощного водотока, как река Эльба. Интересно было ознакомиться с опытами очистки сточной воды на лугах, прилегающих к усадьбе головных устройств дрезденской канализации. Разбрызгиватель и прибор для дождевания распылял в виде мельчайшего дождя сточную воду, прошедшую через сита Ринша. Разумеется, этот дождь сточной жидкости не вызывал никакого зловония, ибо на луговых полянах шли процессы аэробной минерализации. Мы осмотрели станции, устье головного коллектора, мощные потоки канализационных вод, прохождение их через вращающиеся диски сит Ринша с узкими щелями-прорезями (не шире 2 мм), осмотрели выпуски в канал, направлявший сточные воды на дно к середине Эльбы. Затем, пересев на катер, проплыли по реке к месту, где сточные воды смешиваются с водами Эльбы, и стали спускаться вниз по течению. Вскоре в быстрых потоках речной воды стали виднеться комья, лоскуты и белые полосы коагулировавшихся под воздействием жёсткой воды органических веществ. Вода была мутна от этих хлопьев.

При подходе нашего катера к берегу обычно собирались группами обитатели живописных домиков, разбросанных в садах. По-видимому, они принимали нашу экскурсию за какую-нибудь городскую комиссию. С горечью и обидой говорили они, как обездолила их дрезденская канализация. До выпуска в Эльбу сточных вод у них всегда бывали дачники, купались в реке, гуляли вдоль берегов, а теперь дачи пустуют, берега заливаются, для купания непригодны. Воочию убеждались мы, что при выпуске в большую реку нечистот недостаточно туалетной очистки их через сита, что необходимы гораздо более глубокие степени очистки предварительным орошением лугов и полей или с помощью биофильтров. Чем дальше вниз по Эльбе мы спускались, тем жалоб становилось всё меньше.

Интересен был способ судоходства по этой реке. Течение её настолько быстрое, что вверх, против него, большие баржи шли, пропуская через вал на палубе (при помощи лебёдки) цепь, поднимаемую со дна реки. Когда мы подходили к Мейсену, на реке уже не было видно следов и последствий принятых ею вод дрезденской канализации. Дома и дачи тонули в виноградниках. По берегам видны были купающиеся. Жалобы на обездоление дрезденской канализацией уже не повторялись. Процессы самоочищения реки на этом расстоянии уже можно было считать закончившимися.

Небольшую поездку из Дрездена я предпринял в саксонский горный городок Фрейберг. В нём находились свинцовые рудники. Интересны были геологические коллекции Горного института, расположенного в городе. С железнодорожного вокзала, чтобы проехать к Горному институту, я сел в трамвайный вагон. Меня удивило отсутствие в нём кондуктора. Плату за проезд каждый должен был сам, без напоминаний, опустить в ящик при входе в вагон. Трамвай не мог бы окупаться, если бы помимо водителя нужно было содержать ещё и кондуктора. Если кто-либо забудет опустить плату за проезд, другие пассажиры напомнят ему, чтобы не был забывчив, пояснил мой сосед, видя моё изумление, как это без кондуктора...

В Горной академии я осмотрел богатейшие коллекции минералов и образцов геологических пород, ознакомился с устройством рудников, в кото-

рых добывались свинцовые руды, и взял несколько образцов красивых крупных кристаллов углекислых соединений кальция и свинцовых соединений. Небольшой городок горняков был особенно привлекателен своим благоустройством. В центре его вокруг пруда очень живописно разбросаны были группы деревьев и кустов. Никаких оград вокруг этого городского сада не было. На пруду плавали белые и чёрные лебеди, подплывавшие к берегу при приближении людей. Прохожие обычно бросали им куски булки. Очень чисто содержимые улицы, обрамлённые палисадниками у всех домов.

Интересна также была поездка в город Хемниц — крупнейший центр машиностроительной промышленности Саксонии. Помимо осмотра городского водопровода, замечательного тем, что в нём сделана первая попытка в Германии увеличить дебет грунтовых вод инфильтрацией в питающие водоносные слои в грунте речной воды, накачиваемой насосами в специальные инфильтрационные колодцы, была предпринята, благодаря любезности заведующего водопроводом, довольно отдалённая экскурсия на одно из самых крупных водохранилищ в Германии. Оно образовалось в результате сооружения запруды поперёк огромного оврага, которая обеспечила накопление в вышележащей долине огромного запаса воды из специально охраняемых водосборных районов. Забираемая из этого водохранилища вода была основным источником хемницкого водопровода. В то время водоснабжение из запруд только прокладывало себе путь в практике обеспечения водою крупных городов, в нашей стране в результате устройства под Москвой Рублёвского водохранилища в 1913–1914 гг. было усилено питание Рублёвского водопровода.

Но самой интересной и оставившей у меня яркие впечатления и воспоминания была поездка в Мейсен на большом, предоставленном саксонским правительством пароходе с членами Международного конгресса по жилищному вопросу. Более 600 членов конгресса из разных стран Европы, Америки и Азии приняли участие в этой поездке, чтобы по приглашению города Мейсена посетить этот, один из древнейших городов Германии, известный своим знаменитым собором, строившимся в течение нескольких столетий, и ещё более знаменитым фарфоровым заводом, а также виноградниками.

В Мейсене члены конгресса были встречены гражданами и членами магистрата на центральной площади города. В своей речи бургомистр заявил, что мейсенцы высоко ценят сотрудничество людей разных стран в области науки и улучшения условий жизни, особенно по лучшему разрешению жилищного вопроса, по лучшему строительству и благоустройству городов и жилищ в них. Во время этого приветствия бургомистра живописные группы молодых девушек в белых нарядных платьях разносили на подносах чаши с мейсенским вином и угощали приезжих гостей. Особо подчеркнутым было внимание к французам, весьма оппозиционно настроенным по отношению к Пруссии и кайзеру Вильгельму. Тем самым население Мейсена хотело демонстративно подчеркнуть своё несочувствие угрозам Вильгельма по адресу Франции в связи с незадолго перед этим нашумевшей отправкой в Алжир немецкого броненосца «Ачадир».

На приветствия мейсенцев гости ответили речами на разных языках. Официальных представителей от России в конгрессе, к сожалению, не

было. После осмотра города и отдыха в гостиницах, вечером члены конгресса в полном составе осматривали огромный, подавляющий своими размерами собор, в котором в разных его этажах гостей встречали певцы и хоры граждан, выступали и отдельные солисты. Был также осмотрен и фарфоровый завод, а затем в обширном зале одного из зданий, примыкающих к недостроенному собору, был дан банкет с многочисленными речами и обильными угощениями. В полночь организовано было шествие жителей с факелами для торжественных проводов членов конгресса от городской ратуши по длинным спускам, ярко освещённым праздничной иллюминацией, к пароходу. Всё было устроено, чтобы показать, что немецкий народ ценит культуру и международное общение и что саксонцы ничего общего не имеют с прусским бронированным кулаком.

По приглашению одного из профессоров-гигиенистов Пражского университета я предпринял кратковременную поездку из Дрездена в Прагу Чешскую. Прагу-Злату я осмотрел как турист, в один день. Особое внимание привлекли исторические памятники этого города. Из предприятий по санитарному обслуживанию города я осмотрел только городской водопровод, забиравший воду в то время на реке Млава из труб, спущенных в скважины под дном реки. Эти «профильтрованные» через песчаные слои дна, просочившиеся речные воды очень мало были похожи на хорошую питьевую воду. По своей цветности они были больше похожи на слабый чай. В гостеприимной семье пригласившего меня в Прагу профессора я услышал много рассказов о недоброжелательности и вражде профессоров немецкого университета в Праге к профессорам Чешского университета. По-видимому, национальная вражда мешала всякому научному сотрудничеству и общению.

Довольно длительное моё пребывание в Дрездене (с апреля по октябрь 1911 г.) дало мне возможность основательно изучить все отделы Международной гигиенической выставки. Результатом этого изучения стал ряд научных статей в журнале правления Пироговского общества «Общественный врач».

Мне кажется, мой очерк материалов на Дрезденской выставке по планировке и застройке городов был первой работой в нашей санитарно-гигиенической литературе о значении и гигиеническом содержании планировки и застройки населённых мест, как основы их благоустройства. Всестороннее описание Дрезденской выставки и её иностранных павильонов было составлено мною и напечатано в приложении к календарю для врачей на 1912 г., издававшемся в Петербурге К. Риккером под редакцией П. И. Булатова. Ряд очерков и обзорных материалов о Дрезденской выставке был помещён мною в журналах «Городское дело» и «Земское дело».

Во многих отделах выставки на собранных в них материалах читались целые систематические курсы лекций выдающимися специалистами. В частности, мною был прослушан курс лекций профессора Гентсмера (Gentsmer) по планировке городов. У меня даже завязалось личное знакомство с Гентсмером, который очень интересовался всякими сведениями о возникновении планировочной науки в России. Прослушаны были также лекции по охране от промышленных отравлений профессора Лемана.

Очень интересны были лекции, проведённые представителями санитарной организации Московского губернского земства В. А. Левицким — об охране труда в промышленности и П. И. Куркиным — о всех статистических материалах, сгруппированных в специальном отделе выставки в общем павильоне, носившем название «Статистика» (демографическая и санитарная). Отдел этот был устроен и находился в заведовании Е. Ресле¹. П. И. Куркин дополнял свои статистические обзоры демонстрацией и разъяснениями статистических таблиц (диаграмм и картограмм), бывших в других павильонах, в том числе и в павильонах отдельных государств. Отчасти содержание лекций П. И. Куркина при экскурсиях по выставке было отражено в его очерке «Мировая демографическая и санитарная статистика», напечатанном им в «Общественном враче».

В своих очерках о Дрезденской гигиенической выставке и её необъятных обширных материалах известный русский статистик П. И. Куркин, между прочим, рассказывал о впечатлении, которое он получил от того земского отдела в Русском павильоне, устройством которого я был непосредственно занят: «Если германские павильоны выставки можно сравнить с богато обставленными образовательными музеями, предназначенными для того, чтобы проводить научные знания в широкие массы населения; если павильон Франции с его картинами, цветами... с его ласкающими взор искусственно-желтоватым освещением, скорее всего, наводит на мысль о резиденции просвещённого буржуа-мецената, знающего цену наукам; если в павильоне Японии вы чувствуете себя как-то особенно комфортабельно для изучения представляемой здесь выставки — ввиду необычайной практичности, тонкого соблюдения перспективы в распределении и размещении экспонатов; если в павильоне Швейцарии вы попадаете в кабинет почтенного, умного и успешно на своём веку потрудившегося учёного, всесторонне изучившего все условия своей маленькой и благословенной богом родины, то столь же определённые ориентировочные впечатления возникают при посещении земского отдела на антресолях Русского павильона. Чувствуется, как будто вы вошли в жилище молодого учёного, занятого серьёзным и глубоким исследованием. Тесное, скромное жилище, со слабым намёком на комфорт; отсутствие декорации, выставочных приманок и игрушек; всё как-то особенно, пуритански скромно. Взамен того — значительность и серьёзность содержания. Молодой учёный, полный творческой инициативы, энергии, пытливого духа, имея перед собой непочато-широкие горизонты работы, собрал в своём скромном жилище, в мансарде, обширные коллекции, нужные для исследования, и систематизировал их в продуманном порядке. В процессе исполненной работы уже выведены некоторые закономерности, намечаются интересные поучительные выводы, выясняются, может быть, новые пути... Всё здесь свежо, оригинально, необычайно просто и серьёзно. Работа — в ходу; она ещё очень далека от конца; предстоит ещё много потрудиться, положить массу сил, энергии, чтобы выйти на широкую дорогу; впереди — далёкий путь;

¹ Ресле Е. — немецкий социал-гигиенист, тесно сотрудничавший в 1920-е с органами советского здравоохранения.

молодой учёный, может быть, состарится, поседет над своей работой. Это возможно, но он всё же доведёт её до конца...

Центральное положение в земском отделе занимают обширные серии диаграмм и картограмм о развитии и состоянии врачебно-санитарного дела земской медицины в стране. И эти диаграммы З. Г. Френкеля, без сомнения, как нельзя лучше достигают своей цели. Перед зрителем проходит картина развития русской земской медицины, написанная рукою мастера, выдающегося работника в области этой медицины, призвавшего русское земство на эту выставку и положившего массу неустанный талантливого труда для организации отдела»¹.

Подлинной наградой, дававшей удовлетворение и пробуждавшей новые стимулы к работе, было неослабавшее внимание, с которым всегда обновлявшаяся аудитория, состоявшая не только из приезжавших из земской России санитарных врачей и медицинских работников, но и представителей самых различных кругов общественности зарубежных стран (особенно славянских) слушала мои многочисленные разъяснения и лекции по материалам выставки, а эти объяснения я давал ежедневно, читал лекции по общественной медицине на немецком, французском и русском языках в течение почти полугода. Желающих послушать лекции было так много, что мне приходилось читать их по несколько раз в день. Из немало числа писем, которые поступали ко мне в то время по поводу моих разъяснений, приведу небольшую выдержку из длинного письма (от 24.07.1911 г.) известного нашего бактериолога Виктора Ильича Яковлева, заведующего Петербургской городской лабораторией: «С большим удовольствием слушал Вашу почти 3-х часовую лекцию о земской и городской медицине и от души порадовался за общее для всех слушателей признание увлекательности Вашей беседы. Слушая Вас, я думал, какой бы увлекательный профессор гигиены вышел из Вас, если бы судьба не увлекла Вас в иную сторону... Ваши лекции, которые Вы читаете с таким подъёмом, верою, знанием, производят на всех — это я слышал от многих — сильное впечатление и удовлетворение... Желаю Вам душевного удовлетворения, как награды за Ваши огромные труды».

Ещё большее удовлетворение давало мне более длительное и близкое общение во время выставки с долго остававшимися для изучения её материалов Ф. Ф. Эрисманом, П. И. Куркиным, Д. К. Заболотным², В. А. Левицким, Н. И. Тезяковым и другими деятелями научной гигиены и нашего русского общественного санитарного дела.

Многие встречи на Дрезденской выставке ярко запечатлены в моей памяти. Как-то в июне или начале июля, когда комиссар Русского отдела Владимир Валерианович Подвысоцкий после того, как этот отдел в основном был уже оформлен и уклад жизни и распорядок в нём окончательно сложились,

¹ Общественный врач. 1912. № 3. С. 295.

² Заболотный Даниил Кириллович (1866–1929) — один из основоположников русской эпидемиологии, академик АН СССР, академик и президент АН УССР. Создал учение о природной очаговости чумы, доказал идентичность бубонной и лёгочной чумы. Организатор Института эпидемиологии и микробиологии Украины.

надолго уехал в Петербург, утром я находился в рабочем кабинете, разбираясь в новых полученных материалах. В комнату неожиданно вошёл седой, с молодым лицом, Фёдор Фёдорович Эрисман. Мы все давно ждали его появления в Дрездене, но его приезд из Парижа всё откладывался. По старой, оставшейся от Москвы привычке Фёдор Фёдорович дружески расцеловался и тотчас же предложил показать ему отдел земской медицины. Не без некоторого трепета я знакомил его с общественными достижениями, общесводными моими картограммами, со схемами и плакатами, в которых я пытался наметить и обрисовать существо русской земской системы внутреннего слияния санитарно-профилактических задач с лечебным обслуживанием населения. Ф. Ф. Эрисман с вниманием слушал объяснения и смотрел экспонаты. Он был по праву признан одним из вдохновителей и строителей русской общественной медицины и общественной гигиены.

Фёдор Фёдорович изучал всю Дрезденскую выставку несколько дней. По почину Д. К. Заболотного состоялось чествование его русскими врачами. Оно вылилось в удивительно тёплое дружеское общение соратников и товарищей Фёдора Фёдоровича по общественной медицине с новым поколением. Д. К. Заболотный, идя на вечер, скупил в каком-то цветоводстве пышные розы, которые при шумном одобрении поднёс Фёдору Фёдоровичу и Петру Ивановичу Куркину. Мне пришлось по желанию коллег в приветственном слове выразить признательность Фёдору Фёдоровичу за всё, чем обязана ему русская научная гигиена и медицина.

Заканчивая эти отрывочные воспоминания о пребывании в 1911 г. в Дрездене, хочу упомянуть ещё об одном кратковременном знакомстве. В конце лета внимательно осматривал материалы земской медицины приехавший из Киева санитарный врач водно-санитарного надзора Тритшель¹. Он подолгу оставался в павильоне, вплоть до его закрытия вечером. Я старался пояснить ему и источники, откуда были извлечены основные статистические материалы демографического и статистического характера, и мотивы выбора того или иного способа составления диаграмм и обобщений. Непосредственный интерес киевлянина к материалам выставки вызвал у меня симпатию к коллеге-земляку. После целого дня работы мы выходили вместе и несколько раз предпринимали довольно отдалённые прогулки за город, смотрели оживляющуюся вечером жизнь в рабочих районах, куда спешили их жители на велосипедах, причём многие женщины везли детей в корзинах за спиной. Два-три раза конечным пунктом нашей прогулки был огромный памятник, высившийся над господствующим над всею местностью холмом. Это был «Бисмарковский памятник», представляющий собой некую полубеседку на невероятно огромных гранитных колоннах. Ежегодно в «Бисмарковские дни» сюда стекались немецкие приверженцы бисмарковского бронированного кулака, фанатизируемые националистами и реакционерами отсталые слои бюргерства и крестьянства, увлекаемые идеей германской экспансии.

¹ Тритшель Карл Генрихович (1849– ?) — киевский земский врач-гуманист, педагог и учёный-патофизиолог, профессор кафедры патологии и терапии; автор ряда работ и методик (симптом Тритшеля).

Было что-то зловеще-мрачное в этом массивном, зовущем к объединению для агрессии, для похода, для нападения на другие народы «Бисмарковском памятнике» в окрестностях Дрездена, такое же отталкивающее и чужое всему дрезденскому культурно-художественному окружению и настроению, как и новый тогда (1911 г.) памятник тому же Бисмарку в центре города, установленный близ городской ратуши. В тяжёлой каске, опираясь на рукоять шпаги, Бисмарк олицетворял своею грузной самоуверенной неподвижностью бездушную грубую силу прусского экспансионизма. Этот монумент был бы уместен среди других — таких же на известной берлинской Зигесаллее, но никак не в Дрездене с его подлинно художественными памятниками немецким певцам борьбы за свободу, с его одухотворёнными скульптурными шедеврами, олицетворяющими красоту музыкальной гармонии, с его всемирно известным Цвингером¹, собравшим в своих залах мировые сокровища живописи.

Все впервые приезжавшие земляки наши, как бы ни был кратковременен срок их пребывания в городе, непременно уделяли время, чтобы посетить Цвингер и, уж во всяком случае, посмотреть Мадонну Рафаэля. По непреодолимой строптивости моего характера именно поэтому, чтобы не подчиняться общему голосу, не быть во власти предвзятых избитых мнений, я не спешил в первые месяцы быть в Цвингере. Меня укоряли, даже стыдили: «Как, работая уже чуть не два месяца в Дрездене, Вы до сих пор всё ещё не смотрели Рафаэлеву Мадонну?!» И вот как-то уже летом я направился, наконец, в Цвингер.

Несколько часов смотрел я картины первого крыла, пока не вошёл в угловой зал с немногими удобными креслами у стены и одною единственной картиной. Это была Рафаэлева Мадонна со взором на своего младенца и с неизъяснимым выражением тихого упоения и спокойствия, веявшего от младенческих ангельских ликов вверху полотна. Я забыл об избитом, общепринятом мнении и оставался долго в этом зале, пока, к моему огорчению, не подошёл ко мне кто-то из выставочных знакомых, чтобы поздороваться и перекинуться банальными словами восхищения. Незадолго до окончательного отъезда из Дрездена я выделил целый день, чтобы провести его в Цвингере. Тогда уже поразъехались выставочные знакомые, и никто не мог помешать мне оставаться один на один с самим собою перед картинами, которые могли захватить моё внимание. Долго оставался я в угловом зале с картиной Рафаэля. Однако вновь я не пережил моего первого очарования и обаяния от полотна, память о котором была ещё так свежа.

Вернувшись после полугодового пребывания в Дрездене уже довольно поздней осенью в Петербург, я должен был целиком отдаться делам по выпуску нескольких запоздавших выходом книжек журнала «Земское дело», перепиской с редакциями «Городского дела» и «Общественного врача», где были помещены мои очерки по разным отделам Дрезденской выставки. В то же время были сделаны первые шаги к собиранию и составлению экс-

¹ Комплекс дворцовых павильонов (1711–1722), позднее барокко. Разрушен в 1945 американской авиацией, восстановлен в 1955–1962. Музеи фарфора, олова и др.

понатов для Всероссийской гигиенической выставки, и мною велась переписка в этом направлении с земствами.

В. В. Подвысоцким передан был мне полученный им в конце 1911 г. из Дрездена художественно выполненный диплом — высшая награда — «Ehrenurkunde für Wissenschaftliche Mitarbeit» за научное сотрудничество по осуществлению Международной гигиенической выставки.

По материалам этой же выставки зимою 1911 г. я сделал в «Соляном городке» в Русском техническом обществе¹ специальный доклад о планировке городов. Сколько я знаю, этот доклад был первой попыткой привлечь у нас внимание технической, санитарной и архитектурной мысли к разработке планов не отдельных зданий и ансамблей, а целых городов в интересах соответствия планировки населённых мест требованиям гигиены и дальнейшего их благоустройства.

Важнейшим событием 1912 года была поездка моя в качестве руководителя специальной экскурсии санитарных врачей в Германию, Бельгию, Англию, Францию, Швейцарию и Австрию для изучения санитарного благоустройства западноевропейских городов, ознакомления с водопроводами, канализацией, жилищным строительством, больницами и другими учреждениями, обслуживающими здоровье населения. Начиная с 1906 г. становились всё более популярными частные поездки в каникулярное время представителей интеллигенции, в особенности преподавателей, за границу — в Германию, Италию, Швейцарию и Францию — с учебными и культурно-просветительскими целями.

Учебный отдел московского Общества распространения технических знаний, невзирая на большие препоны со стороны столыпинского правительства в 1905–1911 гг., широко поставил организацию совместных поездок больших групп учителей и других лиц среднего интеллигентного круга для ознакомления с культурными условиями западноевропейской жизни и преимущественно с художественными богатствами крупных городов Европы. От 1 500 до 2 000 образованных людей ежегодно знакомились с историческими памятниками и художественными сокровищами Запада, включёнными в программу круговых турне. В Берлине, Вене, Мюнхене, Дрездене, Риме, Париже и Лондоне действовали бюро созданной Учебным отделом хозяйственной организации, которые нанимали на лето для русских экскурсантов целые отели, устраивали для них особые столовые и пр. В каждом из названных крупных городов с конца мая до начала августа Отдел содержал по несколько опытных руководителей, на обязанности которых лежало ознакомление экскурсантов с данной страной, со всем тем, что в художественном, историческом или культурном отношении заслуживало особого внимания путешественников.

Каждое турне продолжалось обыкновенно от 4-х до 5-ти недель. Отдельные группы в составе 50–70 человек направлялись по одному из выра-

¹ Императорское Русское техническое общество (РТО) — ведущее научно-техническое общество России. Основано в Петербурге в 1866. В конце XIX — начале XX в. помещалось на Пантелеймоновской (ныне Пестеля) улице — в «Соляном городке».

ботанных Учебным отделом маршрутов: или в Англию через Берлин с возвратом через Париж, или в Италию и Швейцарию через Дрезден и Мюнхен с возвратом через Вену, или в Париж с попутным пребыванием в некоторых из вышеназванных городов. Включая все расходы по проезду на железных дорогах и от вокзалов до гостиниц, а также проживание в пансионатах в течение всех 5 недель, путешествие обходилось каждому туристу в 185 рублей.

В последние 2–3 года среди участников этих поездок стало всё увеличиваться число врачей, особенно состоящих на общественной земской и городской службе, которые не удовлетворялись общеобразовательным содержанием экскурсий и выражали желание использовать своё пребывание в той или иной стране для ознакомления с медицинскими учреждениями и с основами организации городского благоустройства в Западной Европе. Значительный рост санитарных организаций в земствах и городах, пополнение их большим числом специалистов, заинтересованных в овладении опытом работы врачебных учреждений и ознакомлении с самой постановкой санитарного благоустройства на Западе подал мысль деятелям Учебного отдела в 1912 г. организовать первый опыт заграничной поездки специально для санитарных врачей.

Бюро загранпоездок взяло на себя заботы о получении разрешения на выезд, оформлении заграничных паспортов с визой, по составлению общих маршрутов и по хозяйственному устройству в Берлине, Лондоне и Париже. Во время Дрезденской выставки при содействии этого Бюро на ней побывало, между прочим, несколько десятков таких экскурсий, в состав которых, однако, входили преимущественно учителя и учительницы городских и земских школ. Обычно экскурсии направлялись по традиции в Италию — смотреть памятники классического искусства в Риме, либо красоты природы в Неаполе. Проезжая Дрезден, путешественники делали остановку, чтобы увидеть всесветно известную Рафаэлевую Мадонну. Через Дрезден же направлялись экскурсии и в Швейцарию, куда туристов влекли красоты Альп, Баденского и других горных озёр, достопримечательности Цюриха, Риги-Кюльма, Люцерна, а по пути — как преддверие настоящей Швейцарии — осматривались окрестности Дрездена, Саксонская Швейцария, горные местности по северному течению Эльбы.

Несколько раз приходилось мне указывать представителям экскурсионной организации на нежелательность ограничивать экскурсии только ознакомлением с памятниками и достижениями искусства в области архитектуры, живописи, скульптуры и на необходимость ознакомления туристов с лучшими образцами благоустройства населённых мест, с санитарно-техническими достижениями, жилищным строительством и т. д. И вот Московское экскурсионное бюро в мае 1912 г. обратилось ко мне с предложением пересмотреть план и программу специальной экскурсии для санитарных врачей в Лондон через Берлин продолжительностью до полутора месяцев. Составленный мною проект программы поездки включал в себя ознакомление с общей планировкой, водоснабжением, канализацией, озеленением, жилищным делом, ночлежными домами, больницами и детскими учреждениями в Берлине, Брюсселе, Лондоне, Париже, Базеле, Цюрихе и в Вене. С частичными поправками мой проект был принят, и Бюро просило

меня взять на себя непосредственное руководство экскурсией в конце мая и июне 1912 г. Состав участников экскурсии был ограничен 10 санитарными врачами (из Петербурга, Москвы и Оренбурга).

Из Москвы мы направились через Смоленск в Варшаву, где по моему замыслу нужно было ознакомиться с водопроводной станцией и её образцовыми фильтрами (медленная фильтрация) на р. Висле и канализацией. Хотя в нашем расписании на Варшаву выделялся лишь один день, нам всё же удалось, благодаря содействию известного общественного деятеля, возглавлявшего всё врачебно-санитарное дело в Варшаве — доктора Поляка, осмотреть не только водопроводные и канализационные сооружения, но также и лучшие улицы польской столицы, а для сопоставления с ними и наиболее неблагоустроенные и переуплотнённые районы города, населённые еврейской беднотой. Осмотрено было нами и известное художественностью своих насаждений Варшавское кладбище «Повонски».

В Берлине я вновь пользовался гостеприимством брата Любови Карповны — Ивана Карповича Полтавцева и его жены, руководившей всем делопроизводством его «Русской инженерно-технической конторы», — Марии Михайловны. Это облегчило мне предварительные телефонные переговоры с руководством всех тех учреждений, осмотр которых входил в наш план. Мы осмотрели крупнейший в Берлине ночлежный дом, оставивший тяжёлое впечатление своими почти тюремными порядками и жестоким обращением с ночлежниками. Об острой потребности пролетарского населения такого крупного промышленного центра, как Берлин, в обширных парковых пространствах мы могли судить, когда в первый же воскресный день после приезда направились рано утром вместе с целым потоком рабочих и их семейств на трамваях и по подземке в Грюнвальд и к берегам Гафельского озера. Там в сосновом лесу и на озёрных берегах на сотнях и даже тысячах гектаров в праздничный день удовлетворяли своё стремление вырваться из города на зелень сотни тысяч жителей Берлина. При этом поддерживались образцовая чистота, нигде не видно было никакого мусора или остатков пищи. Всё выбрасывалось не куда попало, а в аккуратные, подвязанные к стволам деревьев корзины. Если же и появлялась брошенная бумажка, то старушки из домов престарелых протыкали её железным прутом и выбрасывали в корзину. На солнечных полянах тысячи детей принимали солнечные ванны, а на затенённых площадках устраивались танцы и хороводы. Переплыв на лодке через озеро Гафель, мы осмотрели один из участков полей орошения, занимавших 800 гектаров. Внешняя осушительная канава отводила с полей чистую воду в озеро Гафель.

Осмотрели мы и станцию биологических фильтров, принимавшую сточные воды из отдельно-канализованной части Шарлоттенбурга, идущие с заводов по изготовлению смазочных масел.

В Берлине мы затем выезжали в несколько городских имений, земли которых использовались под поля орошения для очистки вод берлинской канализации. Осматривали мы и все Erholungshheim (дома отдыха), устроенные в этих городских имениях для обеспечения находившихся в них детей обильным молочным питанием. При этом молоко доставлялось за счёт города от коров, получавших зелёный свежий корм (траву) с полей орошения.

В верхнем (почти чердачном) этаже Берлинской ратуши мы тщательно ознакомились в недоступных для общего обозрения музейных складских помещениях с многочисленными моделями всякого рода санитарно-технических установок, коммунальных зданий, больниц, школ и пр. Знакомство с материалами этого музея облегчило нам затем выбор тех предметов, которые необходимо было осмотреть в натуре. В Шарлоттенбурге мы специально провели несколько часов в загородной школе, где занятия велись на открытом воздухе, ознакомились с режимом сна и труда, с отбором детей...

Вот уже несколько десятков лет прошло с тех пор, когда мне пришлось руководить этой экскурсией, но как ярко встаёт передо мною всё виденное тогда, как переживается моя тогдашняя жажда увидеть новое, проверить, отобразить в отчётах... Возвратясь в Петербург, я поместил ряд статей в нескольких журналах, в которых рассказал обо всём виденном и изученном во время поездки¹.

Чтобы сберечь больше времени на выполнение программы осмотра в Лондоне, мы не задерживались в других городах Германии и направились в порт Ост-Энде в Лондон. Лишь в столице Бельгии — Брюсселе сделана была остановка, чтобы получить общее представление о планировке главных городских площадей и, прежде всего, центральной площади и сосредоточенных вокруг неё монументальных зданий (ратуши и др.), а также о памятниках искусства. От застройки же кварталов в центре и на окраинах у нас остались лишь самые беглые впечатления.

Самым выдающимся и замечательным, с чем познакомились мы в Брюсселе, были исключительные по мощности и по удачной организации крупные производственные предприятия рабочего кооператива «Вперёд», который был детищем и главной опорой бельгийской социалистической партии. Мы осмотрели хлебопекарный завод этого кооператива. Это был самый большой по объёму производства и наиболее совершенный по санитарно-технической оснащённости и далеко идущей механизации производственных процессов завод из всех существовавших тогда хлебозаводов. Хорошо выпеченный по предварительным заявкам хлеб (каждый сорт изготовлялся в соответствующем цехе завода) развозился затем в особой бумажной обёртке во все части города, во все рабочие кварталы и доставлялся утром в каждую рабочую квартиру. Развозили хлеб в безукоризненных по устройству и чистоте содержания ящиках-фургонах. Движущей силой для каждой тележки-фургона была крупная сильная собака, бежавшая не впереди, а под фургоном, так что видно было её только спереди, но не с боков. Мы осматривали помещение для нескольких сотен этих рабочих собак. Каждая из них имела своё особое отгороженное и со скрупулёзной чистотой содержимое отделение.

Кроме хлебозавода рабочий кооператив содержал центральный пищевой склад и его филиалы, а также центральную рабочую столовую, поставленную в санитарно-гигиеническом отношении совершенно безупречно, несмотря на чрезмерно многочисленную клиентуру.

¹ Земское дело. 1912. № 13а–14; Городское дело. 1912. № 15–16; Русский врач. 1912. № 32.

Первое впечатление от Лондона, которое надолго остаётся в памяти — это невероятная, трудно воображаемая напряжённость уличного движения на основных его улицах. Непрерывными потоками несутся нескончаемые вереницы автобусов, троллейбусов, трамваев и отдельных экипажей. Представляется, что все эти несущиеся экипажи, двухъярусные автобусы, люди на империялах, трамваях, автомашины с их шофёрами охвачены каким-то безумием движения. Ни в Берлине, ни в Париже такого впечатления от уличного движения не создавалось. Немыслимым представлялось пересечь этот поток движения, когда нужно было перейти улицу. Облегчалась эта задача, однако, тем, что в местах перехода, у перекрёстков потоки движения разграничивались так называемыми «островками спасения» — возвышающимися над полотном улицы на несколько сантиметров узкими площадками, на которых можно было посередине проезжей части приостановиться, чтобы уловить благоприятный момент для перехода к следующему «островку». Но главным условием, обеспечивающим безопасность уличного движения для пешеходов, являлась строгая дисциплинированность всего транспорта. Лишь только «Бобби» подымет руку, всё экипажное движение останавливается, чтобы пропустить пешеходов или транспортные потоки с пересекающихся улиц. Очень большое значение имели также весьма распространённые на лондонских улицах хорошо устроенные подземные переходы, в которых обычно размещались и уличные уборные с умывальниками, где можно было также почистить обувь и одежду. Давно пора было бы подумать об устройстве таких совершенно безопасных и для детей, и для стариков подземных переходов и у нас. Например, при пересечении Невского и Садовой, чтобы пройти от Гостиного двора к Публичной библиотеке.

Уже с первого дня пребывания в Лондоне я стал посещать Гайд-парк, чтобы лучше понимать устную английскую речь. Там всегда шли какие-нибудь собрания, митинги. Оратор становился на свой разборный стул или устраивался на поставленной для него помощником кафедре и начинал речь, которая вскоре привлекала слушателей. Раздавались реплики, выступали возражающие. В одном месте проповедовали «свободное христианство», в другом — социализм. Невзирая на малочисленность слушателей, упорно каждый вечер в определённом месте выступал против вивисекций оратор из «Общества охраны животных» и т. д. Всё это были профессиональные ораторы. Говорили отчётливо, просто, не скороговоркой, без пафоса, с большой выдержкой и спокойствием. Не смущаясь и без горячности, удачно парировали они реплики из среды слушателей. Очень скоро удавалось начинать схватывать и понимать их речь, несмотря на крайне недостаточное, только книжное знание у меня английского языка.

А рядом с этими митингами в вечерней тишине весьма идиллическое впечатление производили стада овец, прилégшие на лужайках между деревьями Гайд-парка и тихо жевавшие свою жвачку. В Гайд-парке, как и в других крупных лондонских парках (Регент-парк и др.), овцеводство поддерживалось для содержания в порядке газонов. Вместо регулярной стрижки густых посевов травы их давали подгрызать овцам, а испражнения овец в виде сухих катышков не вызывали видимого засорения газонов. Благодаря тщательному уходу и постоянной поливке орошением и дождеванием

лондонские газоны обращали на себя внимание своей постоянно свежей, изумрудной зеленью.

Когда я собирался в экскурсию, Д. К. Заболотный дал мне письмо, адресованное д-ру Фарару в Лондоне — члену комиссии по противоэпидемическим мероприятиям и очень настойчиво рекомендовал мне повидать его. По словам Д. К., он хорошо знал санитарные учреждения Лондона и мог оказать содействие в ознакомлении с ними. Приехав в Лондон, я побывал у Фарара. Оказалось, что он незадолго перед этим получил высокое назначение в Local Government Board (в муниципальном управлении). Там меня сначала приняли делопроизводитель и старший санитарный врач. Расспросив о цели визита, они передали меня, наконец, по назначению. Фарар проявил ко мне исключительное внимание: тут же составил подробный план осмотров учреждений санитарного назначения, посоветовав начать их с главной инфекционной больницы Лондона, при этом сразу же позвонил главному врачу этой больницы профессору Томсону. Затем он порекомендовал провести целый рабочий день в одном из санитарных округов Лондона и вновь тут же написал рекомендательное письмо. Держал он себя просто и буквально обворожил меня любезностью. Когда я собрался уходить, он пригласил меня пообедать у него на следующий день. Я благодарил и решительно отказывался, ссылаясь на нежелание беспокоить его и на то, что я в дорожных условиях связан обязанностями руководителя экскурсии. Все мои возражения не помогли, он дал мне свою визитную карточку с точным адресом и сказал, что будет ждать меня совсем запросто к обеду.

В тот же день я со своей экскурсией успел ещё побывать с 3 до 6 часов в Тотнемской больнице. Это довольно далёкая окраина Лондона. Когда, выйдя из автобуса, мы направились по указанной нам улице целой группой в 11 человек, вокруг нас образовался целый рой уличных мальчишек. Их больше всего привлекала седая борода д-ра Орлова и бороды ещё двух участников экскурсии. Подростки — мальчишки и девочки подбегали к бородатым россиянам, блеяли козами, показывая на бороды. В этой глухой окраине Лондона иноземцы, очевидно, были в диковинку, и вид бородатых людей вызывал сенсацию. А у нас вызывало удивление то, что в Лондоне, в этом мировом центре, оказались возможны такие проявления некультурного поведения и некрасивого отношения к приезжим на улице.

Калитка в больницу оказалась закрытой. Хотя мы прибыли точно в 3 часа, как было условлено. На наш стук калитку открыл нам высокий коротко стриженный человек. Я вручил ему письмо Фарара, адресованное профессору Томсону. Взяв письмо, он пригласил нас в контору и предложил всем расписаться в книге. Затем, раскрыв конверт, пробежал письмо и пригласил нас следовать за ним. Не без удивления я должен был убедиться в том, что это был не швейцар, а сам профессор Томсон. К нашему большому удовлетворению, он владел немецким языком и познакомил нас со всей системой обнаружения и доставки заразных больных в эту общегородскую инфекционную больницу. В ней всегда были свободные кровати, а иногда и целые отделения. Из 1 200 штатных коек в момент нашего посещения занято было только 660.

Профессор Томсон прежде всего показал нам отделение для вновь поступивших больных — с внутрипалатной изоляцией. Эту систему он ввёл вместо системы боксов. У каждой кровати в этой большой палате находился отдельный рукомойник для мойки и дезинфекции рук. Подходя к кровати, врач или ухаживающая за больным сестра надевали имеющийся у каждой кровати чистый халат, мыли руки и только после этого исследовали и вообще касались больного. Не движением общего в палате воздуха, а соприкосновением с больным руками, через одежду или через халат могут переноситься патогенные начала, и внимание персонала к устранению этого главного пути внутрибольничного заражения только ослабляется, когда привыкают, полагаются на стеклянные перегородки боксов, а не на самое строгое выполнение мер, устраняющих передачу прикосновения. Палатная сестра при системе внутрипалатной изоляции с неумолимой строгостью следит за выполнением описанных выше правил.

Проф. Томсон показал нам отделение с боксами, которые были перестроены для других целей, и заявил, что после отказа от боксов случаев внутрибольничной инфекции стало не больше, а гораздо меньше, — они даже совсем перестали наблюдаться. С видимым чувством гордости Томсон показал нам окружённый садом и цветниками двухэтажный дом, служивший квартирой для 12-ти врачей-интернов, с хорошо обставленной общей столовой, общим библиотечным залом, верандой и отдельными просторными и уютными комнатами для каждого врача-интерна. На мой вопрос об условиях оплаты врачей, проф. Томсон сообщил, что врачами-интернами могут быть только люди холостые, они обязаны жить при больнице, отлучаться могут только в свои свободные дни. Квартира, стол и всё обслуживание обеспечивается врачам бесплатно, а жалованье — 120 фунтов в год. Извиняясь за, возможно, нескромный вопрос, я спросил, каковы условия службы главного врача. Последовал ответ: «Как главный врач и я получал также 120 фунтов, но не в год, а в месяц, Ограничения относительно семьи и отлучек из больницы на главного врача не распространяются». Общее впечатление, оставшееся от нашего осмотра этой инфекционной больницы, было очень благоприятным. Приятны были безукоризненная чистота, порядок и отсутствие казарменности. Дисциплина поддерживалась авторитетом врачей и уважением к ним, как и к главному врачу, всего персонала.

На следующий день с 9 утра мы были в Санитарном бюро Вестминстерского округа. Очевидно, благодаря карточке с запиской на ней Фарара руководитель здравоохранения в этом центральном районе Лондона познакомил нас со всем распорядком и особенностями санитарной деятельности и проведения противоэпидемических мер, показал дезинфекционную станцию, дал печатные годовые отчёты и обзоры санитарного состояния Вестминстерского участка.

С большой неохотой думал я о неизбежности к 7 часам вечера быть у Фарара в связи с его чрезвычайно любезным и таким настойчивым приглашением обедать у него. Уклониться было тем более невозможно, что необходимо было поблагодарить его за такое внимательное, благодаря его рекомендациям, отношение к нам в Тотнемской больнице и в Вестминстерском санитарном бюро.

Не без труда разыскал я улицу и дом, указанные в визитной карточке Фарара. Улица была с домами-особняками и садами. Дом с указанным номером имел пышный парадный подъезд, мало похожий на вход в частную квартиру. Пришлось всё же войти, так как другого входа не было. Ливрейный швейцар, когда я назвал фамилию Фарара, провёл меня через ряд залов в большую комнату, где меня встретил Фарар и представил довольно многочисленным гостям.

Тут только понял я, что Фарар пригласил меня «пообедать с ним» не на своей квартире, а в клубе. Это был аристократический клуб. На стене висел список его членов, в котором первым красовалось имя короля Англии — Эдуарда. Дамы и мужчины — гости Фарара проявили интерес к совершенно необычному на этот раз гостю. Мой потрёпанный в экскурсии костюм так мало гармонировал с обстановкой в этом клубе! Многие дамы и джентльмены довольно сносно говорили по-немецки и по-французски, и я мог поддерживать с ними разговор. «Что больше всего понравилось Вам в Лондоне?» — любезно обратилась ко мне одна из дам, чтобы проявить ко мне внимание. Не задумываясь, я ответил: «Гайд-парк, и притом не его аллеи и лужайки, не его газоны и стада овец, а постоянно проходящие в нём под открытым небом собрания и свободные обсуждения самых различных вопросов этики, социальных и политических проблем». Я рассказал, что каждый вечер в те несколько дней, что я провёл в Лондоне, я спешил в Гайд-парк, чтобы, слушая там ораторов, научиться понимать английскую речь. Я свободно читал английские книги и журналы, но совершенно не схватывал тексты, когда их вслух читали другие. Чтобы понимать, мне нужно было видеть напечатанное, но в Гайд-парке, к моему удивлению, я стал понимать выступающих там в спорах людей. Между прочим, я выразил восхищение умением простых людей говорить очень плавно, ясно и убедительно. В Гайд-парке нет искусственного пафоса, форсирования звука и эмоций. Моя собеседница заметила на это, что далеко не все англичане владеют ораторским даром, но в Гайд-парке выступают только умелые пропагандисты и одарённые ораторы. Мне она посоветовала не рассказывать в Лондоне, в так называемом «хорошем (приличном) обществе», что я слушал ораторов в Гайд-парке, так как это признаётся совершенно неприличным для «человека общества».

Меня стали спрашивать о «русских нигилистах», но были разочарованы моим ответом, что времена тургеневских нигилистов типа Базарова в России давно прошли, что наша интеллигенция разделяется по политическим направлениям, так же, как и в других передовых странах. Я процитировал слова Некрасова: «Нигилист — это глупое слово. Но когда ты под ним разумел человека прямого, кто не любит житься чужим, кто работает, истины ищет, не без пользы старается жить...» и пр. Элементы нигилизма теперь легче найти в Англии в поведении суфражисток, а не в России, где философский материализм и социально-политическое направление не представляются в таких экстравагантных формах, как великосветский суфражизм в Англии.

Затем разговор перешёл на всех заинтересовавшую тему о русском земстве, о его достижениях в организации народной школы, народной медицины и особенно об агрономических и экономических земских начинаниях.

Этот интерес послужил поводом для меня рассказать об объёме и формах работы русского земства в том виде, как я изложил это в вышедшем одновременно на русском и английском языках «Русском номере Times» 1912 г.

Только вернувшись в Петербург, я получил разгадку, почему столько любезности проявил ко мне Фарар. Даниил Кириллович Заболотный со свойственным ему юмором объяснил мне, что Фарар этим «отомстил» ему, Заболотному. В конце лета 1908 г. Фарар был в Петербурге и заболел холерой. С Заболотным он был знаком ещё по совместному изучению чумы и холеры в Индии. Узнав о болезни Фарара, Даниил Кириллович навестил его в «Европейской» гостинице, принял все меры к осуществлению изоляции и лечения. Одним словом, Фарар считал Даниила Кирилловича своим спасителем. А так как я передал ему письмо от Заболотного, то он из благодарности к нему проявил внимание ко мне и заставил меня попасть в довольно томительное для меня положение на обеде в его клубе.

В Лондоне мы побывали в одной из наиболее густонаселенных беднотой частей города — в Шордиче, где ознакомились с работой мусоросжигательной печи. Без всяких промежутков и без каких бы то ни было «защитных зон» среди плотно застроенных кварталов построена эта Горсфолевская печь. Сжигается мусор из экономических соображений при недостаточно высокой температуре. Выгружается ещё не совсем сгоревший, сильно дымящийся, не окончательно обратившийся в шлак, а лишь обуглившийся мусор. Рабочие остаются всё время в дыму. Дым стелется по двору, но эта сторона дела никого не беспокоила. Предприниматель доволен тем, что получающаяся при сжигании избыточная тепловая энергия идёт на нагревание воды, а идущие на снабжение соседней бани горячая вода и пар поднимают доходы предприятия. Особых забот об охране от дыма рабочих и окружающего населения мы так и не видели.

С большим интересом один из воскресных дней мы провели в Лондонском ботаническом саду (Кюгардене) с его великолепными аллеями и с полной свободой ходить не обязательно по дорожкам, а и по газонам, и по зарослям. Мы отдали также дань осмотру нашумевшего в то время «города-сада» Лечворта, а в окрестностях Лондона — рабочего посёлка, построенного по типу «города-сада» — с узкими жилыми улицами, очень красиво обсаженными персиковыми деревьями.

Большое впечатление осталось от посещения Вестминстерского аббатства с его в самом соборе находящимися надгробными плитами и памятниками. Врезалась в память надпись на могильной плите И. Ньютона, полная гордости за мощь человеческого ума: «Sibi congratulentur mortales tale tantumque existisse humani generis decus» («Пусть смертные возрадуются, что на свете существовало такое великолепное украшение рода человеческого»), и выражающая безутешную скорбь о гении скульптурная группа над гробовой доской Шекспира.

После Лондона мы несколько дней провели в Париже, где, разумеется, прежде всего, посетили Пастеровский институт. Работавший в нём Илья Ильич Мечников показал нам не только лаборатории, но и зал с гробницей Л. Пастера. В довольно долгой беседе с нами Илья Ильич выражал сомнения, можно ли в отсталых в культурном и техническом отношении русских

городах применить те достижения, которые мы видели в Берлине, Лондоне и Париже. С большою нетерпимостью и некоторым раздражением человека, не привыкшего слышать возражения, он отнёсся к моим замечаниям, что ни в Лондоне, ни тем более в Париже мы решительно ничего не видели и не могли видеть, что по уровню техники и санитарно-техническому совершенству стояло бы много выше того, что есть у нас. Поля орошения Московской или Одесской канализаций не хуже, а по существу лучше устроены и правильнее эксплуатируются, чем сдаваемые в аренду орошаемые участки парижских полей; больница Клода Бернара¹ в Париже по организации и постановке обслуживания инфекционных больных не выше, а ниже Боткинской больницы в Петербурге. Небольшие земские больницы на практике доказывают, что они могут осуществлять и осуществляют все лучшие мировые достижения санитарной техники и больничной гигиены; безукоризненно оборудованные операционные, хорошо устроенное водоснабжение и канализация и образцово работающие поля орошения или иные очистные сооружения у нас устраиваются в десятках земских больниц, и нам полезно учитывать новые приёмы и установки зарубежной техники для возможного применения у нас. На русскую действительность Мечников смотрел глазами высокомерного западноевропейского учёного, и это сквозило во всей его беседе.

При осмотре крупнейшей Парижской больницы имени Клода Бернара нельзя было подавить чувство изумления, — как можно было выбрать такое неудачное местоположение для лечебного учреждения — между двумя железнодорожными линиями, в местности, лишённой каких бы то ни было древесных насаждений. По сравнению с Тотнемской больницей Лондона крупнейшая и пользующаяся наибольшей известностью Парижская больница производила впечатление учреждения, содержащегося неопрятно. В Лондоне, как и у нас, главным ответственным лицом, направляющим всю жизнь больницы, был врач. При всей простоте, с которой держал себя при обходе больницы профессор Томсон, чувствовалось, как непререкаем его авторитет в глазах как низшего, так и самого высокого персонала. В Парижской больнице правили и направляли её деятельность не главный врач и не врачи вообще, а администрация в лице директора (не врача) и его помощников. А французская администрация, как мы имели случай убедиться в других случаях, проникнута бюрократическими нравами и приёмами приказного ведения дела.

Отдавая дань обычной программе осмотров Парижа, мы, разумеется, побывали в Соборе Парижской богородицы (Нотр-Дам де Пари), в Версальском парке и дворце, спускались в знаменитые крупные водосточные каналы парижской общесливной канализации, прошли по одному из таких каналов от Севастопольского бульвара до ливнеспуска, выведшего нас к Сене. Действительно заслуживали внимания осмотренные нами двухъя-

¹ Бернар Клод (1813-1878) — французский физиолог и патолог, профессор Коллеж де Франс. Один из основоположников экспериментальной медицины и эндокринологии, иностранный член Петербургской АН. Автор ряда блестящих открытий и 180 научных работ.

русские подземные резервуары воды, приходящей в Париж из отдалённых на многие десятки километров ключей в бассейне реки Луары. Над этими подземными бассейнами высится покрытая зеленью гора, а в самом парке, на его прудах плавают стаи красивых птиц (гагары, нырки, лебеди и пр.).

Парижское санитарное хозяйство — общеславянская канализация, утренний уличный туалет со спуском в уличные водостоки всякого мусора, остатков, отбросов из лавчонок и уличного смёта для того, чтобы потом всё это вылавливать, выбирать и выделять на станциях предварительной очистки сточной жидкости в Клиши перед выпуском воды на поля орошения, не производили того впечатления рационально построенной, экономически целесообразной системы, какое оставила у нас система санитарного благоустройства Берлина. В Париже преобладала погоня за показной стороной, за внешним благоустройством.

Неделя, проведенная после Парижа в Цюрихе, благодаря дружескому вниманию и непосредственному руководству Фёдора Фёдоровича Эрисмана, обогатила нас знакомством с образцовой стройной системой санитарно-гигиенического благоустройства города. Фёдор Фёдорович в многочасовых беседах исчерпывающе обрисовал нам систему санитарного дела в Швейцарии, системы благоустройства и жилищно-коммунального обслуживания населения. Он принял личное участие в экскурсиях и показывал нам снабжение крытого рынка холодильными установками, водопроводную станцию с префильтром и фильтрами, хорошо налаженную систему очистки города с использованием шлаков на мусоросжигательной станции для изготовления строительных шлакоблоков и плит. Фёдор Фёдорович показал нам народную столовую, рабочий клуб, дом культуры с безалкогольными напитками и целые кварталы рационально построенных домов с квартирами для служащих и рабочих коммунального хозяйства. Во всех этих учреждениях, так же как и в осмотренной нами по совету Эрисмана детской больнице и в школах, санитарно-гигиеническая сторона их содержания и режима была тщательно продумана и проводилась в полной мере. Во всём видна была систематическая забота о создании наиболее благоприятных гигиенических условий, наиболее здоровой обстановки. Гигиеническая теория и знание не расходились здесь с делом, с практикой. Нельзя было не видеть в этом и не ощущать влияния большой обаятельной, цельной личности замечательного гигиениста и редкого по душевной глубине и одарённости человека, каким в действительности был Фёдор Фёдорович Эрисман, долгие годы стоявший в первом ряду творцов и созидателей нашей русской общественной медицины последней четверти XIX столетия.

Наше пребывание в Цюрихе мы завершили поездкой на вершину Риги-Кюльм, с которой смотрели восход солнца и фиолетово-изумрудные дали Фирвальдштетского озера. Потом был утомительный спуск по горным стремнинам к Люцерну. Там провели только ночь и на следующий день вернулись в Цюрих, где в последний раз провели несколько часов с Фёдором Фёдоровичем.

В Мюнхене главным предметом нашего внимания был, разумеется, немецкий Музей техники и науки — это величественное творение немецкого гения. Даже для самого общего ознакомления с десятками его главных

отделов, таких как, например, геологический отдел и все отрасли горного дела, с воспроизведёнными в натуральную величину подземными штреками, выработками, механизмами, понадобилось бы много недель, а не те три-четыре дня, которые мы могли уделить этому исключительному по своим размерам и содержанию собранию технического инженерного и строительного творчества. Пребыванием в Мюнхене мы воспользовались для ближайшего знакомства с Баварским гидротехническим отделом по организации сельских групповых водопроводов и для осмотра грандиозных биологических прудов и всех вообще сооружений по очистке сточных вод мюнхенской канализации.

После Парижа и Мюнхена Вена, в которой мы провели всего три дня, не оставила яркого впечатления. Но там мы, между прочим, побывали на заседании австрийского парламента. Шумный зал, в котором отдельные группы депутатов ведут между собою громкие разговоры. Многие ходят от одной группы к другой. Довольно долгое время не понимаешь, что, собственно, происходит в зале. С трудом, наконец, выясняется, что с председательской трибуны называют имя очередного оратора. Стенографистки бегут в тот конец зала, где подымается и начинает говорить оратор, а в зале продолжают шум, разговоры, ходьба. Назавтра из газет узнают, кто и о чём говорил. Собственно и побывали мы в этом парламенте только для того, чтобы увидеть воочию этот оригинальный разноязычный, так мало импонирующий государственный орган, не столько объединяющий, сколько восстанавливающий друг против друга чехов и немцев, поляков и украинцев.

В Вене мы осмотрели отдельные части того «внешнего зелёного пояса», который при дальнейшем своём осуществлении должен был охватить Вену со всех сторон, раскинувшись по живописным окрестным возвышенностям. Мы осмотрели крупнейшую психиатрическую больницу и центральный дом для покинутых детей.

Как я уже упоминал, вернувшись в Петербург, я под свежим впечатлением подвёл итоги этого опыта кратковременной и чрезмерно насыщенной непосредственными наблюдениями экскурсии в своих журнальных статьях. В них я пытался не только обрисовать значение экскурсии для расширения кругозора санитарных врачей и повышения уровня их специальной подготовки, но и отчасти подойти к систематическому изложению собранных материалов. К сожалению, к работе в этом направлении я подошёл только в «Русском враче», но затем к ней больше не возвращался, и она осталась только запланированной, но не выполненной. В ноябре я получил от О. Винтера из Учебного отдела московского «Общества распространения технических знаний» письмо с просьбой отредактировать составленный по моим статьям в журналах общий обзор содержания и значения заграничного турне санитарных врачей, осуществлённого летом 1912 г. под моим руководством. Просьба эта была мною выполнена, запрошенный очерк был напечатан в отчёте Учебного отдела за 1912 год.

Отсылая О. Винтеру этот очерк-отчёт, я приложил к нему составленный мною проект маршрута для новой ознакомительной поездки земских и городских санитарных специалистов, которую я предлагал организовать летом 1913 г. и которая могла бы служить дополнением и завершением первой.

В плане предусматривалось в течение двух месяцев отвести 6 дней для осмотра Москвы, 4 дня — Варшавы, 2 дня — Хемница, 6 дней — Берлина, 6 дней — Гамбурга, 6 дней — Стокгольма, 3 дня — Гельсингфорса и 6 дней — Петербурга. Однако вторая задуманная экскурсия не могла быть осуществлена летом 1913 г., так как уже осенью-зимой 1912 г. окончательно выяснилось, что в течение всего лета 1913 г. в Петербурге будет проходить Всероссийская гигиеническая выставка, а в 1914 г. всякая мысль о возможности заграничных экскурсий сама собою отпала в связи с надвигавшейся войной.

В спешных работах по подготовке экспонатов и строительству павильонов Всероссийской гигиенической выставки незаметно проходили последние месяцы 1912 г. Для поддержания внимания и энергии у обширного круга привлечённых к работам представительств, ведомств, многочисленных учреждений, санитарных организаций, земств, городов и кафедр служил специальный печатный орган — «Известия Всероссийской гигиенической выставки». Владимир Валерианович Подвысоцкий согласился с моим предложением использовать по примеру издания земских врачебно-санитарных хроник опубликование периодических печатных обзоров всего, что делалось, проектировалось, намечалось и осуществлялось на быстро расширяющемся фронте работ по подготовке к выставке. Нужно было тратить много времени, чтобы собрать все сведения о ходе работ, чтобы отслеживать и обобщать все дискуссии, проходившие в многолюдном Выставочном комитете и в самых разнообразных комиссиях и подкомиссиях.

Душой и основной движущей силой всей этой сложной машины был В.В. Подвысоцкий. Как правительственный комиссар он получал и распределял кредиты. Не имея никакой спецбухгалтерии, вёл по ходу дела всю финансовую отчётность, созывал и председательствовал в Выставочном комитете, привлекал к работам архитекторов и художников, ежедневно бывал на развернувшимся строительстве выставочных павильонов на Петровском острове.

Мой день начинался, обычно, с посещения Владимира Валериановича в его квартире в Институте экспериментальной медицины. Я получал от него всякого рода поручения, передавал ему материалы, подготовленные для доклада Комитету, отчёты, подробно делился с ним всеми сведениями о ходе подготовительных работ по специальному земскому отделу и павильону. Помню, какое впечатление непоправимого удара произвела на меня болезнь Владимира Валериановича.

Как обычно, я зашёл к нему утром и застал его ещё в постели. У него была высокая температура. Он передал мне ряд поручений и затем совершенно неожиданно сказал: «Для меня дело кончилось...». Мои возражения не производили на него никакого впечатления. Когда я уходил, он, прощаясь, сказал: «А выставка должна быть доведена до конца и без меня». Через несколько дней Владимира Валериановича не стало.

Его смерть переживалась мною как глубокое горе. Помню речи у его гроба. Речь Ивана Петровича Павлова¹ начиналась словами: «Если по

¹ Павлов Иван Петрович (1849–1936) — крупнейший отечественный физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности и новых подходов и методов физиологических исследований. Академик АН СССР. Нобелевский лауреат.

старому мудрому правилу перед лицом окончившейся жизни нужно в одних случаях молчать, а в других — говорить, то здесь можно, здесь должно говорить...». Отметив, что памятником Владимиру Валериановичу всегда останется его широко известное «Руководство общей патологии», научные труды, его ученики, Иван Петрович сказал, что одарённость Владимира Валериановича не ограничивалась областью науки, он стремился к более широкой общественной деятельности и проявил себя как блестящий организатор во всех делах, которые на него возлагались (руководство научным журналом, организация Одесского медицинского факультета, русский отдел на Международной гигиенической выставке в Дрездене, заслуживший очень высокую оценку). Указав на кипучую деятельность Владимира Валериановича по подготовке Всероссийской гигиенической выставки, Иван Петрович убеждённо заявил, что «всё давало основание верить в её полный, даже больше — блестящий успех, а гигиеническая выставка — ведь это благодатный посев в широкую человеческую массу доступных сведений из могущественного отдела медицины — медицины предупредительной». Общую чертою Владимира Валериановича Иван Петрович считал, что он «во всех положениях жизни оставался неизменным, а это — многостоящая черта между нами, которые так легко и недостойно меняемся в различных положениях и отношениях. Поистине паразитичны были во Владимире Валериановиче его доброта и отзывчивость. Он не помнил зла». Особо отметил Иван Петрович, что Владимир Валерианович был «в высшей степени живой человек, — как в слове, так и на деле. Эта живость была особенным проявлением его личности, действительным выражением его неутомимой деловой энергии. Великая основа и краса человеческого общежития — общественное благо», — закончил Иван Петрович, — «которое складывается из таких частиц пользы и добра, какие вносил во все свои дела Владимир Валерианович, за которые его окружала общая любовь, а теперь так велика печаль утраты»¹.

Моё отношение к Владимиру Валериановичу, моё восхищение его деятельной, цельной, многогранной, благородной личностью отразилось в слове его памяти на заседании микробиологического общества, состоявшемся через несколько дней после его смерти².

В Выставочном комитете и среди достаточно широкого круга людей, участвовавших в подготовке выставки, господствовало мнение, что со смертью В. В. Подвысоцкого сама собою решается судьба выставки. Кто же мог заменить директора Института экспериментальной медицины? О Григории Витальевиче Хлопине³ многие из заведующих отделами не хотели и слушать, считая, что своим генеральством он оттолкнёт некоторых, что он не будет считаться со всем тем, что уже сделано при В. В. Подвысоцком и с тем направлением, в котором намечена выставка. Я лично твёрдо

¹ Русский врач. 1913. № 18.

² Там же.

³ Хлопин Григорий Витальевич (1863–1929) — гигиенист, заслуженный деятель науки РСФСР. Труды по проблемам водопровода и канализации, гигиене труда в горной промышленности и гигиене умственного труда.

был убеждён в необходимости закончить подготовку к выставке, продвигая её по рельсам, проложенным Владимиром Валериановичем. В Выставочном комитете сидели все представители ведомств, генералы, я же был там скромным, нечиновным земским человеком, да к тому же ещё — опальным «выборжцем», членом разогнанной Государственной думы. Поэтому я был очень удивлён, когда получил письмо от Главного врачебного инспектора Малиновского, который сообщал, что в интересах дела он хотел бы лично поговорить со мной по делам Всероссийской выставки.

При личном свидании он прямо поставил вопрос: как быть с выставкой? Если она должна быть, то кого лучше представить к назначению Правительственным комиссаром? Я ответил, что, оставляя в стороне все другие соображения и руководствуясь только интересами дела, нужно решительно заявить, что выставка будет открыта в срок, в том виде, в каком она готовилась при Подвысоцком, а для устранения борьбы самолюбий назначить на его место не кого-либо из конкурирующих претендентов, а чисто делового представителя, одного из работников Главной врачебной инспекции — П. И. Булатова. Я указал при этом, что П. И. Булатов вполне приемлемое лицо для Пироговских врачебных кругов и для земских санитарных органов.

Вскоре, к немалому удивлению ряда сановных представителей гигиены и санитарного ведомства и к ещё большему изумлению самого П. И. Булатова, последовало опубликование Высочайшего повеления о назначении вместо скончавшегося В. В. Подвысоцкого на пост Правительственного комиссара по устройству Всероссийской гигиенической выставки помощника главного врачебного инспектора Булатова.

Нужно сказать, что в дальнейшем не было никаких поводов или оснований сомневаться в целесообразности такого решения. Вопрос о необходимости большой выставки гигиены для развития в стране санитарного благоустройства был настолько важен, что это обеспечивало содействие делу многих общественных организаций.

Благодаря денежным пособиям от Московского, Харьковского, Саратовского и других губернских земств удалось добиться постройки павильона специально предназначенного для Земского отдела. Между крыльями этого павильона оставался замкнутый двор. Мне пришла мысль использовать этот двор для некоторых показательных громозких устройств, применение которых в практике земского санитарного строительства было особенно важным. Посредине дворика на очень высоких металлических фермах поставлен был ветряной двигатель. Он приводил в движение насос, забиравший воду из колодца, выкопанного тут же. Колодец служил в то же время для наглядного показа загрязнённости в Петербурге грунтовой воды из верхних слоёв. Воду эту можно было накачивать также насосами разных систем вручную.

Публике разрешалось не только осматривать, но и при желании пробовать насосы, качать ими воду и рассматривать струи желтоватой почвенной воды, степень и пути загрязнения которой освещены были на выставленных тут же таблицах. Вода, поднятая из колодца в небольшой бассейн ветряным двигателем, вытекала из него по наклонной трубе и приводила в действие гидравлический таран. По напорной трубке тараном вода по-

давалась выше крыши павильона и стекала с крыши по водосточной трубе к лотку с дождеприёмником.

На наружных стенках павильона и его крыльев были натянуты многометровые полотна с нарисованными на них молодыми художниками из числа студентов, помогавших мне в оборудовании земского павильона, видами и схемами сельских водопроводов с таранными установками. В то время уже более десятка таких сельских таранных водопроводов было устроено в Нижегородской губернии земским гидротехническим бюро. Проводя экскурсии, я всякий раз выходил во внутренний дворик, чтобы обратить внимание посетителей на насосы, гидравлический таран, воздушные турбины и другие действовавшие простейшие технические устройства, которые при содействии земских санитарных организаций могли бы получить более широкое распространение в сельском благоустройстве через кооперации.

Постепенно гигиеническая выставка стала привлекать к себе всё более широкое внимание. Гвоздями её, как и в Дрездене, считались отдел Института экспериментальной медицины с известной «павловской» собакой и земский отдел, где изо дня в день я давал объяснения и читал для санитарных врачей лекции о земской медицине, санитарной организации и санитарном благоустройстве. В Земском павильоне выступали с объяснениями и приезжавшие на выставку руководящие работники земского врачебно-санитарного дела: из Москвы — П. И. Куркин, А. В. Мольков¹, В. А. Левицкий; из Екатеринослава — А. Н. Меркулов, А. Л. Смидович; из Саратова — Терякин; из Новгорода — Мандельштам. Благодаря энергичной помощи последнего Новгородское губернское земство построило во дворе общего Земского павильона свой отдельный небольшой павильон, в котором установлена была действующая дезинфекционная камера и работающий станок, изготовлявший песочно-цементную черепицу, а также целая экспозиция гончарной черепицы, выпускаемой земскими черепичными заводами как безопасное в пожарном отношении и наиболее отвечающее санитарным требованиям покрытие для крыш зданий.

Как-то, уже к концу выставочного дня мне сообщили, что выставку осматривает министр финансов В. Н. Коковцов², бывший тогда одновременно председателем Совета министров. После довольно беглого осмотра других павильонов и всего главного отдела выставки он пришёл в Земский павильон, и я более или менее систематически провёл его по своему отделу. Я обратил его внимание на плакат о земских бюджетах, на котором земство было представлено в виде плакучей берёзы, свисающие ветви которой давали народу «земскую медицину», «земскую народную школу», «земскую агрономию», «земское дорожное дело» и т. д., а корнями своими получала она земские доходы от земельного обложения, от промышленности и пр. Весь бюджет всех 40 губернских и 430 уездных земств, обеспечивавших основное

¹ Мольков Альфред Владиславович (1870–1947) — один из основоположников гигиены детей и подростков в СССР, заслуженный деятель науки. Разработал гигиенические основы и нормативы детских учреждений.

² Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) — граф, министр финансов (1904–1914), председатель Совета министров (1911–1914). После 1917 — эмигрант.

обслуживание культурных, санитарных и хозяйственно-технических нужд сельского населения, составлял всего лишь 250 млн рублей, то есть меньше одной двадцатой части правительственного бюджета.

Коковцов в довольно полемическом тоне стал высказывать упреки земству, что оно отдаёт мало внимания и средств основам народного благополучия — дорожному делу, противопожарным мерам. Я, разумеется, не остался в долгу и стал ему показывать успехи земской техники — экспонаты Харьковского, Московского, Нижегородского губернских земств по водоснабжению, разрезы буровых скважин и пр. «Это вы показываете, а вот забыли о том, что только казённая винная монополия во всей стране позволила ввести впервые при водочно-очистительных заводах целую сеть буровых артезианских колодцев и тем продвинуть в практику у нас артезианское водоснабжение», — съязвил Коковцов. Немало удивлён был он, когда вместо ответа я попросил его посмотреть на соседний стенд, где находились тщательно собранные мною материалы по бурению на воду и по постройке артезианского водоснабжения. Среди этих материалов было представлено значительное число разрезов артскважин при очистных заводах в Новгороде, при зданиях казначейств (в Курске и других городах). «А что касается водочной монополии, — заметил я, — то артезианской водой не заливаётся вред народному здоровью и хозяйственное разорение, проистекающее от «казёнок».

Эта полемика в любезных тонах не мешала, однако, Коковцову с большим вниманием знакомиться с земскими экспонатами. Сопровождавшая Коковцова его жена несколько раз шёпотом просила меня поскорее увести его из павильона, так как он сильно утомился. В это время высокий гость осматривал оборудование операционных участков земских лечебниц и в полушутливом тоне бросил мне: «Ну, вот видите, — я, ведь, как владелец имения, так же «земский плательщик», однако этими операционными пользуются только крестьяне, ваша земская медицина, ведь, не для нас. А вот дороги, просеки и мосты земские, которые нужны всем земским плательщикам, — в каком они состоянии?» Поскольку Коковцов назвал себя «земским плательщиком» Новгородского земства, я предложил ему заглянуть в отдельный павильон этой губернии. Невзирая на протесты его супруги, он пошёл туда и с большим интересом стал рассматривать дорожную карту, картограммы и диаграммы врачебной сети и санитарных учреждений своей губернии. Потом поднимал и испытывал на вес черепицу, заметив при этом: «Хороший обжиг, а как мне понадобилась черепица, так прислали не такую, а никуда не годную». Эти полушутливые нападки на земство не помешали тому, что, уходя, Коковцов пожелал всем успеха.

Ещё будучи членом Бюджетной комиссии 1-й Государственной думы, я добросовестно изучил все материалы, поступавшие в эту комиссию от Министерства финансов, и на заседаниях, в которых Коковцов всегда принимал участие, мне приходилось не раз обращаться к нему с вопросами и высказывать некоторые несогласия. В начале работы той Думы министры относились к членам Бюджетной комиссии с известным вниманием. Надо сказать, что и теперь, являясь главой правительства, Коковцов также держал себя без бюрократической заносчивости.

Во время работы гигиенической выставки дружеские отношения сложились у меня с Александром Николаевичем Меркуловым. В то время он был главным врачом губернской земской больницы в Екатеринославе. Благодаря его энергичной помощи рядом с Земским павильоном был построен большой деревянный барак, в котором была оборудована показательная земская участковая больница с хорошо оснащённой операционной, предоперационной и перевязочной, с новейшей системой водоснабжения (горячей и холодной водой), с образцами специальной мебели, приборов и аппаратуры, начиная с операционных столов и автоклавов, до кушеток и шкафов. Описание этой показательной операционной и её оборудования было издано отдельной брошюрой. Позднее, уже в советский период, я не раз объезжал с Александром Николаевичем, по просьбе наркомздрава Н. А. Семашко (в 1921–1922 гг.) санатории для костнотуберкулёзных больных в Московской области и мы вспоминали совместную работу на выставке в 1913 г.

До поздней осени работа на выставке поглощала почти всё моё время. Там происходили нередко интересные встречи с приезжавшими в Петербург земскими деятелями и представителями городов. Помню, как много важных материалов о детских учреждениях в посёлке для рабочих и о фабричной больнице при своей фабрике доставил нам Александр Иванович Коновалов¹, как несколько раз приходил он для осмотра земского отдела, слушал мои лекции и в беседах со мною выставлял свои «передовые» взгляды. Кажется, не без его влияния был у меня на выставке и тогдашний Костромской городской голова — директор Товарищества костромских фабрик Шевалдышев. Он очень интересовался вопросами городского водоснабжения. Построенный в Костроме новый ключевой водопровод очень скоро стал давать ненадёжную, загрязнённую воду. Шевалдышев просил меня посмотреть на месте и выяснить причины. Я обещал ему, что как только позволит мне время, побываю в Костроме.

Живо встаёт в памяти, с каким волнением я приехал в Кострому, в которой не бывал с 1909 г. Выйдя с вокзала, я взял извозчика, который, к немалому моему удивлению, повёз меня, не спрашивая, к Николаю Александровичу Огородникову, моему старому другу. Оказалось, извозчик узнал меня, как бывшего члена 1-й Государственной думы от Костромы.

Рано утром на следующий день меня навестила Королёва, хозяйка дома на берегу Волги, в котором мы жили в 1905–1909 гг. Она узнала о моём приезде от всё того же извозчика, просила непременно зайти к ней и посмотреть, как она бережёт устроенный мною во дворе садик, как выросли посаженные мною кусты и деревья. С большой признательностью за её внимание я, разумеется, побывал в том доме, где прошли незабываемые годы моей костромской жизни. Днём я отправился с Шевалдышевым в район постройки захватных колодцев и сборного бассейна ключевой воды и обнаружил совершенно элементарные ошибки, допущенные при выполне-

¹ Коновалов Александр Иванович (1875–1948) — крупный текстильный фабрикант, лидер партии прогрессистов в 4-й Государственной думе. Министр торговли и промышленности во Временном правительстве. После 1917 — эмигрант.

нии проекта каптажных сооружений, так как водосборный бассейн оказался совсем неограждённым от стока в него поверхностных вод.

В последние недели работы выставки и после её закрытия я участвовал в деятельности экспертной комиссии в качестве её секретаря. Её председателем был назначен Г. В. Хлопин. Как всегда, комиссия рассматривала предварительно подготовленные проекты отзывов и подробно мотивированных заключений об экспозициях и заслугах организаций и отдельных участников выставки. Подготовка же и формулировка заключений и постановлений экспертной комиссии лежала преимущественно на мне. Много вечеров приходилось мне работать вместе с Григорием Витальевичем на его квартире. Другой был подход к работе у Г. В. Хлопина, нежели у В. В. Подвысоцкого. Владимир Валерианович делил работу на части, одну выполнял сам от начала до конца, другую — только заслушивал, не затягивая и не откладывая. Г. В. Хлопину нужно было всё подготовить и доложить для подписи. Неотложность, быстрота, немедленность в завершении и выполнении начатого не были при этом повелительной необходимостью, как это было во всём укладе работы Владимира Валериановича.

Все экспонаты, не взятые обратно с выставки после её закрытия, а также все обширные коллекции и обзорные графики (картограммы, диаграммы, планы, схемы, фотографии, чертежи и картины) послужили материалом для продолжения выставки по гигиене, санитарному делу и здравоохранению, развёрнутой в новом здании Биржи труда, построенном на Петроградской стороне против Народного дома. Получить временно это здание для создания в нём будущего музея удалось благодаря благожелательному отношению городского головы — Ивана Ивановича Толстого¹. Опять пришлось затратить неисчислимо много труда и времени, чтобы вновь последовательно развернуть экспозиции и наглядно показать современное санитарное состояние населения и отразить всестороннее гигиеническое обслуживание его организациями здравоохранения. И опять в течение всей зимы 1913–1914 гг. я пользовался всеми выставочными материалами для изложения основ общественной земской медицины и общественного построения санитарного обслуживания населения. В течение зимы не раз приводил на мои лекции своих слушательниц Александр Аркадьевич Кауфман, читавший статистику на Бестужевских курсах.

Один из частых посетителей, присутствовавший на моих демонстрациях, Сергей Гогель², секретарь Учёного совета Психоневрологического института, обратился ко мне с предложением читать курс «Общественное санитарное дело» на юридическом факультете этого института. Я согласился и с ноября 1913 г. начал читать разработанный мною курс «Санитарное состояние населения, основы санитарного дела и организация здравоохранения». Учёный совет Психоневрологического института избрал меня доцентом с оплатой

¹ Толстой Иван Иванович (1858–1916) — юрист, археолог. Секретарь и помощник председателя Русского археологического общества (1885–1900), министр народного просвещения (1903–1906). В 1913 — городской голова Петербурга.

² Гогель Сергей Константинович (1860–1933) — юрист, профессор Петербургского университета. С 1920 в эмиграции.

200 рублей — не в месяц, а в год! Слушателями моими были студенты 4-го курса юридического факультета. Я много готовился к каждой лекции, обдумывая и увязывая их содержание с основами курса «государственного права». Раскрывая зависимость здоровья людей от экономических и социальных условий, я старался показать и способы правильного контроля за здоровьем населения путём статистического учёта заболеваемости и постоянным наблюдением за естественным движением населения, контроля над общей и детской смертностью, за смертностью в отдельных возрастах и от отдельных причин.

Ввиду приближавшегося 50-летнего юбилея русского земства потребовалось ускорить подготовку моей книги «Очерки земского врачебно-санитарного дела» и печатавшегося под моей совместно с Б. Б. Веселовским редакцией «Юбилейного земского сборника». Этот сборник, печатавшийся в издательстве О. Н. Поповой, содержал большое число портретов земских деятелей и отличался прекрасным оформлением. Значительную часть труда по сборнику нёс Б. Б. Веселовский, — человек выдающейся литературной трудоспособности, однако весь материал и в рукописях, и в наборе (в гранках) просматривал также и я. Кроме того, я должен был дать исторический обзор за 50 лет зарождения и развития земской медицины. Этого я так и не успел сделать, а вместо этого поместил статью по основному неразрешённому вопросу земской медицины — о создании приближенной к населению сети земских врачебных участков с участковыми больницами.

С юбилеем земства связана была моя поездка в Новгород по приглашению губернской земской управы для прочтения лекции о значении полустолетней деятельности русского земства в развитии культуры, санитарного и хозяйственного благополучия народа. Для иллюстрации лекции я привозил с собою множество составленных мною ещё для гигиенической выставки картограмм и диаграмм. Лекция собрала большое число слушателей и прошла с большим успехом. Я встретил там из прежних знакомых — Засечкиных, которых не видел более 10 лет.

Одним из проявлений моей общественной работы в Петербурге было председательствование в родительском комитете Лесновского коммерческого училища в 1909–1916 гг., т. е. в те годы, пока в этом училище обучались мои дочери. Училище считалось наиболее передовым по методам преподавания и одним из первых по совместному обучению детей обо-его пола. Я близко узнал жизнь школы и прилагал немало усилий, чтобы вносить улучшение в отношения педагогов и учащихся. Мне, например, претили элементы отеческой опеки и неравноправность в отношении к учащимся некоторых педагогов, в частности, обращение их к ученикам на «ты». Школа заслуживала тем большего внимания, что при совместном обучении мальчиков и девочек между ними были очень хорошие товарищеские отношения, и на высоком уровне поддерживался интерес к усвоению знаний. Широко поставлен был экскурсионный метод преподавания. Под руководством таких педагогов, как А. Я. Закс¹, Т. В. Боч,

¹ Закс Артемий Яковлевич (1878–1938) — педагог, методист внешкольной работы. Возглавляя Бюро школьных экскурсий Наркомпроса (1923–1930), директор Института методов внешкольной работы (1923–1931).

Б. Е. Райков¹, предпринимались отдельные экскурсионные поездки учащихся по Волге, в Крым, на Кавказ.

Поскольку дети учились в Лесном², мы с Любовью Карповной решили переехать жить в этот красивый зелёный район столицы. Помимо красоты этого уголка сохранившейся близ огромного города природы нас тянуло в Лесное желание поселиться поближе к школе дочерей, чтобы обеспечить им, тем самым, наиболее благоприятные условия для их здоровья. И вот в 1913 г. у нас с Любовью Карповной, наконец, созрело решение построить свой дом в Лесном.

Принимая тогда, на 44-м году своей жизни, решение о строительстве собственного дома, я исходил также из того, что это даст мне давно лелеемую возможность систематически работать в саду и огороде при доме и осуществить непосредственно у себя некоторые из тех санитарно-технических устройств, за которые я постоянно ратовал в своих лекциях, докладах, журнальных статьях. Не говорить, а делать на деле — это мне казалось особенно необходимым в Петербурге, где и в санитарное дело, и в вопросы благоустройства вносилось чисто чиновничье отношение. Дом, в котором я прожил 45 лет, должен был показать практическую осуществимость рационального индивидуального строительства. Он сразу замысливался с черепичным огнестойким покрытием, с автономной канализацией и миниатюрным полем орошения для очистки сточных вод, со своим грунтовым водоснабжением, обеспечивающим устройство раковин, ванны, промывной уборной, с полным обезвреживанием почвенным способом и компостированием домового мусора и проч. Цветник, огород и сад давали возможность демонстрировать необходимую взаимосвязь жилища с открытым окружающим пространством, позволяли на деле проводить вынесение жилища под открытое небо. Таким образом, за отсутствием в Петербурге другой возможности показать передовые для того времени приёмы санитарного благоустройства малоэтажных индивидуальных домов (черепичное покрытие, бетонитовая обкладка стены пустотными камнями вместо оштукатуривания, бетонные полы с красивым плиточным покрытием в коридоре, прихожей и т. д.) — всё это я систематически демонстрировал, уже живя с семьёй в Лесном. Поскольку благоустройство отдельного дома не должно и не может быть оторвано от благоустройства всего посёлка, в период 1914–1917 гг. я был инициатором учреждения, а затем председателем Общества благоустройства в Лесном, которое подготовило и осуществило ряд проектов в деле благоустройства.

Итак, в 1913 г., ещё до наступления зимы, на гонорар, полученный от издательства за «Очерки земского врачебно-санитарного дела», были закуплены брёвна и другие лесные материалы, которые были перевезены с Громовской лесной биржи на уже закреплённый к тому времени участок

¹ Райков Борис Евгеньевич (1880–1966) — педагог-методист и историк естествознания, заслуженный деятель науки РСФСР, член АПН РСФСР (1945).

² Лесное в те годы было пригородом Петербурга, на Выборгской стороне. И ныне это самый зелёный район города, а в начале XX в. это была дачная местность со сплошными лесами, от которых ныне остались прекрасные парки.

земли размером 590 квадратных сажений¹. Земля была куплена через Банк Общества взаимного кредита с уплатой в 40 лет по 220 рублей в год.

Много труда и забот вкладывала в начавшееся строительство Любовь Карповна. До начала морозов были сложены из кирпича столбы для возможности с ранней весны приступить к плотницким работам. Четыре плотника из Костромской губернии подрядились начать рубить дом с марта 1914 г.

Точно в намеченный срок костромские плотники Василий и Макар вместе с двумя товарищами начали тесать хорошо высохшие за зиму брёвна и уже в марте на расчищенных от снежных заносов кирпичных столбах стал быстро расти сруб (четыре сажени на 5 сажений и примыкающий к нему 4 сажени на 3 сажени)² с дверными и оконными проёмами. Никаких техников или архитекторов на постройке не бывало. План был составлен окончательно Любовью Карповной с моим лишь консультативным участием. Разрешение на постройку и соответствующие разрешительные надписи на плане были получены в Уездной земской управе без всякого затруднения. Архитектурное оформление осуществлялось на месте плотниками с участием Любови Карповны и моим. Высота фронтона была определена, так сказать, «опытным путём»: Макар устанавливал, много раз меняя высоту, сбитый из досок фронтон, пока, наконец, и он, и я, и Василий в один голос признали один из вариантов наиболее удачным. К маю постройка дома вчерне была закончена. Спешно велись работы по внутреннему оборудованию.

Мне казалось особенно важным на опыте показать возможность, в крайнем случае даже при отсутствии общего водопровода и канализации в данном районе, создать автономное водоснабжение для кухни, уборной и ванны с последующим отведением промывных и грязных вод для очистки на придомовом «поле орошения». В ванной комнате были вбиты на глубину около 7 м трубы с засасывающим воды абиссинским колодцем. Накачка воды из колодца производилась вручную в бак из клёпаного железа, установленный на чердаке. По тонкой полудюймовой трубке вода подавалась оттуда в клозетный бачок, в ванную комнату и в кухню. Из уборной и раковин вода отводилась в подвешенную под домом отводную трубу, выведенную по поверхности до небольшого участка (8 x 12 м), разбитого на узкие грядки, и распределялась между ними по бороздам. Вокруг этого самодельного «поля орошения» была выкопана канава около 1 м глубиной, на дне её проложена деревянная труба с отростками вверх метра на два. Дренажная вода выводилась в уличную канаву. После засыпки канавы отростки (отводки) сверху служили вентиляционными трубами для усиления аэрации почвы под орошаемым участком. Число борозд между грядами было достаточно, чтобы чередовать выпуск воды в них по дням недели. Каждая борозда работала раз в неделю. Очень скоро, однако, я убедился, что загнивания в борозде не происходит, и при более частом спуске сточной воды перестал соблюдать очередь работ борозд. Вообще я пришёл к выводу, что на таком малом участке, как наш, для минерализации органических веществ сточных вод односемейного дома нормы суточной нагрузки могут быть во много

¹ Около 15 соток.

² Общая площадь дома в 1-м этаже составляла около 150 кв. м.

раз превышены ввиду постоянных перерывов в поступлении воды в борозду. Это ведёт к постоянному поступлению, засасыванию воздуха не только с гребня грядки, но и с борозд. Именно для увеличения вентиляции почвы я и добавил вытяжные стояки из дренажной трубы. Столбы пара из них в морозные дни показывали, что цель их постановки достигается вполне и, следовательно, вместо более тёплого воздуха с глубины полуметра или метра в почву поступает из борозд, когда в них нет воды, холодный наружный воздух, а в тёплое время движение воздуха идёт в обратном направлении. Но и в том, и в другом случае достигается цель усиления проникания через почву воздуха, необходимого для аэробных процессов.

Пока шло строительство дома, и даже ещё раньше, чем оно началось, я в ранние утренние часы в течение всего лета приезжал на велосипеде на свой участок и выкорчёвывал заросли, валил сосны, расчищая места для посадки плодовых деревьев и некоторых многолетних кустов. Ещё в 1912 г. была посажена мною целая дюжина яблонь, закупленных в питомниках Регеля¹. Это был для меня поначалу прямо титанический труд: вырыть для каждого саженца яму, заполнить её вместо песчаного грунта землёй и навозом, посадить и поливать посадки. Нелегко было подавить чувство обиды и горечи, когда уже после того, как все деревца принялись, приехав как-то на рассвете, чтобы их полить, я с изумлением обнаружил, что все яблони выкопаны и унесены. Только после того, как участок был огорожен и на нём уже шли строительные работы, я вновь посадил два ряда яблонь на прежние места.

Обработка участка требовала тяжёлого постоянного труда. Вся семья несла эту ношу, но, естественно, более тяжёлые работы по подготовке участка, рытью ям для посадок, устройству «поля орошения», по прокладке канав падали на мужскую силу. Я втягивался и привыкал к этой работе. Она становилась для меня привычной. В течение всей последующей жизни мой день начинался в ранние утренние часы выполнением с 4–5 часов до 8–9 часов всех дворницких работ по участку. Перекапывание гряд, подсыпка дорог, выемка для этого песка, посадка и пересадка деревьев и пр. — все эти утренние работы прерывались необходимостью спешить в 8.30–9 часов утра уезжать в редакцию, на лекции. После тяжёлой физической работы приходилось неизбежно полностью менять не только бельё, но и всю промокшую одежду. После ванны, переодевшись, я спешил «на службу».

Этой регулярной физической работе в часы, когда все ещё спят, по-видимому, обязан я выработавшейся у меня выносливостью, а в позднейшие годы, когда мне шёл шестой, седьмой и восьмой десяток лет жизни — замедлением процессов старения и предупреждением одряхления,

¹ Регель Эд. Л. — известный швейцарский учёный-ботаник, был выписан для руководства Императорским ботаническим садом в Петербурге. Создатель многих придворных парковых и садовых ансамблей. Имел и свои садоводства, питомники, в частности, в Удельном парке и в Лесном, откуда и приобретался посадочный материал Захаром Григорьевичем, а позднее его младшей дочерью — Валентиной Захаровной. Редчайшие грунтовые азалии, выведенные Регелем, утраченные Петербургским ботаническим садом, но сохранившиеся в саду внука З. Г. Френкеля — Константина Саввича Самофала, были вновь переданы в Ботанический сад в 1998.

несмотря на чрезвычайную перегрузку работой за письменным столом, на недисциплинированность и несоблюдение регулярности и должного порядка и ритма в жизни. Если я и теперь, на 94 году, ещё сохраняю полную трудоспособность, выносливость и могу не устраниваться ни от какой работы и не ослаблять запросов к моему организму, то я не могу приписать этого ничему другому, кроме как регулярному, по несколько часов утром, ежедневному физическому труду на «Полоске»¹, да ещё, пожалуй, отвращению, непреодолимому отвращению к бессмысленным, на мой взгляд, непостижимо идиотским самоотравлениям табаком и алкоголем.

Хочу повторить, что главным побудительным мотивом у меня при строительстве «Полоски» было стремление показать преимущества применения тех нововведений, которые я отстаивал в качестве редактора «Земского дела» и в моих статьях в «Городском деле». Мне казались пустыми фразами отговорки, что наша задача «строить города-сады в головах людей», как говорил Д. Д. Протопопов. Нужно на деле показать, насколько это доступно, возможно, целесообразно.

Отстаивая значение внедрения огнестойкого черепичного покрытия, я приобрёл в Новгородском земстве черепицу и оплатил проезд мастера для покрытия ею крыши дома. И это позволило мне доказать практические преимущества такого покрытия перед покрытием железом с постоянной необходимостью возобновлять окраску и профилирование².

Таким же новаторством было применение вместо штукатурки внутри дома простой обивки стен пропитанными известью, песком и цементом полосами самой дешёвой мешковины и оклейка затем стен обоями по этой обивке. Более пятидесяти лет служила эта обивка, а все считали, что дом внутри оштукатурен.

В июне мы переселились в новый дом. На «Полоску» зачастили наши друзья и знакомые. Нередко заходил живший неподалёку в Лесном же, в незадолго перед тем построенном своём доме В. Г. Тан (Богораз)³. Для него неожиданным было то, что, оставаясь редактором журнала и выполняя постоянно срочную журнальную работу, я в утренние часы копал осушительную канаву, выкорчёвывал пни, занимался уборкой строительного мусора и т. д. Помню, с каким наивным удивлением узнал он, что несколько грядок со свежими посадками, окружённые общим валиком и внешней дренажной канавой, — это поле орошения», на которое выведены стоки из домово́й уборной... Даже удостоверившись, что в борозде лежат экскременты, он никак не мог примириться с тем, что нечистоты не издают никакого зловония... Пришлось наглядно преподать передовому работнику литературы

¹ Дом с садом были названы «Полоской», и это название красовалось на фронтоне дома, потому что под усадьбу была куплена «полоса» леса.

² Черепичная крыша перенесла без единого ремонта лихолетье революции, Гражданской войны, а главное — блокады, во время которой осколками зенитных снарядов были слегка повреждены несколько черепиц.

³ Богораз Владимир Германович (псевдоним — Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865–1936) — этнограф, писатель. В начале 1880-х — один из организаторов «Народной воли», в 1889–1898 — в сибирской ссылке. С 1921 профессор ряда ленинградских вузов. Создатель письменности для народов Севера.

некоторые элементы «санпросвета». Но через несколько дней я прочитал в газете фельетон Тана, озаглавленный «Цинциннаты на болоте»¹. В нём он с преувеличенным драматизмом рассказывал, как недавний «законодатель», член Государственной думы, копает канавы и осушает болото...

Первая мировая война (1914–1916)

В мае и июне 1914 г. мне часто приходилось бывать в Институте экспериментальной медицины в связи с заботами о размещении оставшихся от Всероссийской выставки экспонатов. В то время уже в июне повсюду начались лесные пожары. Горели леса и торфяники в окрестностях Петербурга. Гарью и дымом был пропитан воздух в самом городе. Помню, какое удивление вызвали у меня слова С. К. Держговского, исполнявшего временно обязанности директора Института, когда в разговоре со мною он между прочим высказал своё мнение, что все эти лесные пожары — дело рук немцев, что горящие леса и торфяники — подготовительные меры к их военным планам. Мне показалось это плодом обывательского воображения. Однако спустя два-три месяца, когда немцы захватили часть Польши от Калиша до Млавы, я не раз вспоминал его слова.

14 июня 1914 г. я получил повестку из мобилизационного отдела явиться в качестве младшего врача запаса в воинское присутствие на Загородном шоссе. Мне было 45 лет, и я мог бы оспаривать правильность моего призыва, но ощущение общей беды, надвинувшейся на весь наш народ, устранило у меня даже самую мысль о каких-либо шагах для более рационального использования меня, чем в качестве младшего военного врача. Я явился в мобилизационную часть. Довольно долго толкался в разные двери. Наконец, в одной из комнат мне указали на стол, за которым сидел военный писарь, вручивший мне призывную повестку — явиться в ближайшие дни в Новгород в распоряжение дивизионного врача.

Сборы были недолгие. Через два дня я был в Новгороде. Дивизионный врач Ларисов, выглядевший стариком, принял меня весьма любезно. Дал мне назначение младшим врачом дивизионного лазарета и поручил сформировать роту носильщиков. Мне были выданы подъёмные на обмундирование и на покупку лошади, а пока мне была предоставлена обозная лошадь на случай выступления в поход.

Вместе с полками, укомплектованными наскоро обмундированными, только что призванными из запаса солдатами мы очень скоро выступили из Новгорода. В течение двух или трёх дней в пешем строю прошли по шоссе до Чудова, чтобы там грузиться в воинский эшелон и отправляться по железной дороге к месту формирования армии, предназначенной для вытеснения из Польши немецких войск, занявших к тому

¹ Цинциннат, римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор. Согласно преданию, в жизни Цинциннат был образцом скромности, доблести и верности долгу.